

Андрей Егоров

Путешествие Черного Жака

«Автор»

2002

Егоров А. И.

Путешествие Черного Жака / А. И. Егоров — «Автор», 2002

Над ним не властно время, перед ним отступают силы природы, он – величайший магистр радужного спектра Черный Властелин. Так прозвали его кочевники юга и граждане Паквилона, великого города бескрайних равнин севера. В беспамятстве своем был он развратен и неводержан, использовал волшебный дар не по назначению – соблазнял женщин и увлекался азартными играми. Но темные боги вели его, направляли его стопы, и был ему предначертан путь на трон Темного Властителя мира.

© Егоров А. И., 2002

© Автор, 2002

Содержание

ОТ ИМЕНИ АВТОРА	5
Кошмар первый	7
Кошмар второй	19
Кошмар третий	30
Кошмар четвертый	40
Кошмар пятый	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Егоров

Путешествие Черного Жака

*Благовоспитанный повеса... в глуши колдуньями и злом,
Я представляю интересы свои, и только: дело в том,
Что Черный Жак эгоистичен...
Вполне порядочная мгла меня баюкала вчера...
Сегодня тысячи обличий я принимаю... Жизнь – игра...*
Стефан Злоббин. Из раннего

*Предлагаю выдать этой так называемой повести рейтинг R
(детям до 16 лет за явную и скрытую пропаганду алкоголя, секса и
насилия запрещается). На развивающийся, незрелый ум она окажет
исключительно пагубное, развращающее воздействие.
Одна из рецензий на «Путешествие Черного Жака»*

ОТ ИМЕНИ АВТОРА

... И по сию пору я не могу простить себе, мой читатель, что взялся за этот неблагодарный труд, чреватый для меня в дальнейшем многими серьезными неприятностями, ибо я предельно честно использую полученные мною магическим путем знания. Заметь, мой друг, я отнюдь не приукрашиваю наполненную злодействами жизнь Властелина, не пытаюсь набросить на нее вуаль: я веду повествование прямолинейно, честно, уверенно... Такой уж я человек – не склонен ко лжи и предательству... Могу также сообщить тебе, читатель, что создаю я этот кошмарный труд, находясь в трезвом рассудке и здоровой памяти (или наоборот?), но исключительно по злостному принуждению темных сил.

О, если бы только я был чуточку сильнее духом... Тогда я покончил бы с собой, чтобы не принимать впоследствии смерть в жутких муках. То, что я буду им подвергнут, не вызывает у меня никаких сомнений...

Вот и сейчас Черный Властелин грохочет наверху подкованными медью сапогами по отполированным его проклятыми ступнями камням замка, а в моей одинокой келье, в полуподвале, где я заточен, его шаги отдаются гулким эхом.

Я был похищен его бессердечным помощником, оторван от службы при королевском дворе, где мои обязанности были предельно ясны: я занимался дворцовой документацией, а точнее – составлением списка вещей для хозяйственных нужд. Насколько по сердцу было мне это дело, вы можете судить по жестокой тоске, отблеск которой лежит перед вами на бумаге... Теперь же сочинительство – грешное, богонеугодное ремесло – мой удел. Мой удел... О боже... И я, человек религиозного сословия, тот, кто всегда, с самого крещения в младенчестве, носил крест анданской церкви и никогда не снимал его (даже в минуты интимной близости со своей дражайшей супругой и прочими женщинами), вынужден служить злу...

Шаги раздаются все отчетливее, он бродит из угла в угол, предаваясь мрачным мыслям – они вечно терзают его. Должно быть, что-то светлое и доброе в этом мире снова вызвало его недовольство.

Обычно он появляется у меня, завернувшись в черный плащ, и глаза его поблескивают из-под смоляных бровей грозно, с бесконечной злобой – извечной его спутницей... Я всегда боюсь этого безжалостного взора, в присутствии Властелина я так ясно ощущаю свою ничтожность, слабость.

Дабы не прогневить его, без проволочек приступаю...

Историю, которую тебе предстоит прочесть, мой читатель, Властелин самым тщательным образом внушил мне ментально, а затем, дабы скрепить приобретенные знания печатью Соломона, крепко-накрепко вложил в мою голову правильное восприятие услышанного и прочувствованного...

Страшнее Черного Властелина, как его прозвали степные кочевники юга и граждане Паквилона, великого города бескрайних равнин севера, был только Владыка ветра Энлиль, но и он сгинул – разбился о разделившие материк горные хребты. И было это в те стародавние времена, когда кипучие элементали стихий вступили в войну с демонами нижних пределов и Черный Властелин явился на свет впервые.

Никто уже не помнит, кроме разве что магистров радужного спектра, что заставило его оказаться отступником и пойти против своих создателей – богов, – только однажды он вдруг исчез из мира на долгие века. И было это карой высших сил своему блудному сыну, ибо не прощали они предательства и не верили, что отступник может когда-нибудь возвратиться в отчий дом...

Когда же мой герой в очередной раз явился на свет из кромешной тьмы, где все мы пребываем, ожидая своей очереди родиться, главными развлечениями у людей – как, впрочем, и у разноплеменной нечисти, – были секс и смерть... В беспечной молодости будущий Властелин был совсем не прочь предаться веселью одним из вышеупомянутых способов...

Кошмар первый ЗАГУБЛЕННОЕ ДЕТСТВО

Детство свое я всегда вспоминаю с опасением, страхом, что оно когда-нибудь еще вернется и что мне придется снова пережить ужас познания этого мира – мира, где все предметы и все проекции этих предметов обладают острыми углами, режущими гранями, – и как же отчетливо осознание, что все эти предметы ненавидят меня...

Жан Оноэ. Привычка жить

Летопись, лежащая перед вами, раскрывает обо мне всю правду – это история любви, смерти, предательства и порока. Ручаюсь, такого вы еще не слышали и вряд ли услышите впоследствии. А потому умолкните, приложите к дрожащим и мокрым губам своим указательный палец и замрите, внемля моему голосу. Голосу Черного Властелина. Облечь мои воспоминания в презренные слова я поручил мужу недостойному и трусливому. И все же мне представляется, что он обладает небольшим, но достаточным талантом сочинителя, чтобы суметь донести до вас суть моей истории...

В этот раз в мир я явился с одной только целью: доказать всякому живущему – и самому себе, разумеется, – что мое существование было строго предопределено свыше...

Я тот, кого на Разделенном материке, Удаленных землях и Мастеровых островах зовут Черным Властелином, иногда Властителем, порой Черным Повелителем... Впрочем, если речь заходит обо мне, спутать сложно: обычно все голоса смолкают, и говорящий оказывается в абсолютной тишине, слышится только биение его беспокойного человеческого сердца.

Теперь моим именем пугают детей, и я этим до чрезвычайности горд, но когда – то – было и такое время – обо мне и слухом не слыхивали. Память моя о прежних инкарнациях была стерта могущественными магистрами, и человечество успело порядком меня забыть. А звали меня во времена моего последнего рождения просто и безыскусно – Черный Жак.

Не сказать чтобы я был доволен самим фактом того, кем являюсь я теперь. Не сказать чтобы я был рад тому, что со мной сделали ведьмы, выкравшие меня из родительского дома. Скорее наоборот. Но другого себя я не знал, хотя со стороны видел неоднократно... И возвратившаяся память сделала меня настолько же счастливым, насколько и несчастным...

Но все по порядку.

За долгие годы я менялся, я выходил из сотен домов, душа моя окрашивалась в светлые тона, в беспамятстве приобретала посторонние ложные оттенки в отсутствие черного истинного цвета, я трансформировался, вглядывался в сумрак, и сумрак вглядывался в меня.

Я хорошо помню моих воспитательниц – ведьм Селену, Габи и Тересу.

Вот как выглядели эти во всех отношениях странные дамочки. Габи. Высокая, стройная, рыжая пышная грива огненных волос развевается по ветру, а она хохочет и кружится со мной на руках, потом возносится над деревьями и лесом, а я удивленно наблюдаю за происходящим, окончательно потеряв голову от неожиданности новых впечатлений. Тогда для меня полеты и черное колдовство были еще в диковинку.

Габи навсегда запомнилась мне такой – время не властно над ведьмами. Только рука судьбы... и моя проклятая рука... Черный волчонок, – так звала меня Габи.

Вот тучная Селена, чьи волосы и глаза были белыми, как березовый ствол, забавно таращит выпуклые очи и грозит мне пальцем, из которого пульсирующими волнами и едва различимым розовым свечением исходит сила. В ней есть поразительная для ведьмы привязчивость – женская суть, бабья доброта. В раннем детстве я остро чувствовал ее теплую натуру и

инстинктивно тянулся к луноликой Селене, пока она окончательно не превратила меня в свою живую игрушку.

Тереса. Кудрявая. Черноволосая. Вороново крыло – ее цвет. У нее глаза полыхают пламенем, а голос сиплый из-за сожженной гортани. На шее она всегда носила бархатный шарф, подаренный Владыкой перевала Соткем варваром по имени Тархан. Все сказки, которые я слышал от нее в детстве, рассказывали о приключениях этого достойного человека, который был в один прекрасный день умерщвлен моей черноволосой «матерью». Я сотни раз представлял себе, как она это проделала. Вот она подкрадывается к постели, где он раскинулся, отдыхая, должно быть, после очередного набега на мирный караван, и вонзает серебристое лезвие ему прямо в горло, под покойный во сне мужской кадык. Он хрипит и захлебывается кровью, а ведьма наблюдает за происходящим, и ее темные глаза подергиваются томной поволокой.

Так они, кажется, поступали со всеми своими любовниками. Я узнал об этом обычае из их разговоров, когда немного повзрослел. «О, как я любила его! – Из угла рта ведьмы показывается кончик розового языка. – Впрочем, – она плавно проводит в воздухе изящной ладонью, – он не был достоин меня – мужлан. Скажу тебе по секрету, – она наклоняется к моему уху, – от него постоянно воняло потом... От него несло, как от козла на выпасе...» Она начинает безумно хохотать, запрокидывает голову, так что волосы ее на мгновение расплетаются, а затем стремительно собираются в жгуче-черные кудрявые клубочки.

Сказать по правде, в детстве я их всех люто ненавидел.

Помню, как Габи орала на Селену, когда они несли меня над остроконечными скалами. Она кричала, что темноволосого мальчишку надо швырнуть вниз, что им нужна в ученицы девочка, только девочка, и точка. Но Селена была непреклонна. Ее веснушчатые ладони так сильно сдавливали в объятиях мою шею, что через некоторое время мне стало казаться, что я вот-вот задохнусь. Тогда я стал решительно вырываться. «Тише, малыш», – пробормотала Селена, сжимая меня еще сильнее. Толстая ведьма принесла меня к высокому бревенчатому дому посреди глухого леса и опустилась возле крыльца. На крики Габи – она все еще продолжала выкрикивать ругательства – из дома грациозно выплыла Тереса. Она проследовала ко мне, положила ладонь мне на голову и спокойно поинтересовалась у подружек:

– Вы что, сдурели?! Я же сказала – девочка...

– Это все она, толстая дура! А я ей говорила! – завопила Габи еще громче.

– Заткнись, – поморщилась Тереса. – Селена, что ты на это скажешь?

– Я чувствую...

– Что ты там чувствуешь? – Положив изящные руки на крутые бедра, Габи накинута на нее. – Тебе просто нравятся маленькие мальчики, точно? Извращенка чертова, ты с самого начала была против девчонки.

– Ничем хорошим это не закончится. – Тереса откинула со лба непослушные пряди смоляных волос и присела на корточки. – А ну-ка, малыш, подойди ко мне поближе.

Думаю, ее умиляло, что я перенес длительный перелет без страха, не впал в панику, не проронил ни единой слезинки и теперь глядел на орущих вокруг меня женщин, словно не совсем понимал, о чем идет речь, а между тем мой взгляд уже внимательно обследовал окрестности – я только и ждал момента, чтобы улизнуть от этих казавшихся мне чрезвычайно странными и опасными теток.

Впоследствии мой талант беглеца сильно развился, в чем вам еще предстоит убедиться.

Рассматривал я, разумеется, не только бревенчатую избушку и непролазные заросли леса, мои желтоватые глаза интересовались и глубоким вырезом платица Габи, за которым скрывалась волнующая выпуклая грудь. Ее тонкие лодыжки тоже показались мне весьма аппетитными. Для шестилетнего малыша я был очень развит, потому что воспитывался большей частью на улице. Скандальные бабы были довольно неприятны и в городе. А эти еще и представляли собой нечто неведомое и темное. По собственному опыту я знал, что приближаться

к людям, которые кажутся мне опасными, а тем более заговаривать с ними не стоит. Однако Тереса глядела на меня сурово, с явным нетерпением, и все же она мучительно ждала, когда я наконец подойду, к тому же в глазах ее посверкивали холодным светом очень неприятные искорки. Решив не искушать судьбу, которая была ко мне столь неблагоприятна, я уважил ведьму и приблизился к ее красивому бледному лицу. Тереса разглядывала меня с такой тщательностью, что мне стало казаться, будто она пытается найти во мне какую-то лишнюю деталь. Если они собирались изначально похитить девочку, то лишняя деталь определенно присутствовала. Я заметно покраснел. Тогда я еще умел краснеть.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она наконец.

– Прекрати кривляться, – взвизгнула Габи, – я против, против, ПРОТИВ него!

– Пойди-ка сюда ты тоже. – Тереса поманила рыжеволосую ведьму, и та нехотя приблизилась.

– Ты хочешь остаться с нами? – спросила Тереса так, будто у меня был выбор. Скажи я «нет», и они швырнули бы меня в самую глубокую пропасть, какая только нашлась бы в окрестностях.

А она там была, я узнал об этом уже очень скоро... Когда они учили меня летать, напоив зельем «восхитительной легкости». Разумеется, это небуквальный перевод с праязыка. В обучении непростой науке полета ведьмы предпочитали пользоваться тем самым приемом, что используют птицы, когда их оперившимся птенцам приходит пора начать взрослую жизнь.

– Ну ступай, мальчуган, – говорила Тереса, подталкивая меня к краю обрыва, – пойди полетай!

ПОЛЕТАЙ!!!

... Однако все эти события происходили со мной много позже, пока же я оказался перед весьма простым выбором: остаться с чудовищными крикливыми и странными женщинами или расстаться с жизнью и лежать среди острых камней на самом дне глухого каменного колодца. Будучи уже тогда необыкновенно смышленным и рассудительным мальчуганом, я легко представил себе, что произойдет в том или ином случае, потом сделал вид, что усиленно размышляю, даже наморщил лоб, старательно изображая мыслительный процесс, потом вздохнул и громко проговорил:

– Я есть хочу!

– Прекрасный ответ, – заметила Селена, которая тоже подошла и присела на корточки, – кажется, он хочет остаться с нами... Мы ему понравились.

Теперь втроем они взирали на меня. Селена и Тереса с едва заметными улыбками на лицах, а Габи, крепко сжав пухлые губы.

– Больше ты ничего не хочешь, человечек?! – с издевкой поинтересовалась она и тряхнула рыжей шевелюрой.

– Хочу, чтоб ты замолчала, – ответил я, что еще раз подтверждает тот факт, что даже в столь юные годы я обладал острейшим разумением, которое со временем все возрастало... А вызвано оно было, вне всяких сомнений, богатым опытом моих прежних инкарнаций... Впрочем, об этом позже.

– А, как он тебя приложил?.. – Селена засмеялась, пока бледная от гнева рыжая ведьма скрежетала зубами.

– Я тоже чувствую, – после недолгой паузы произнесла Тереса, – в нем что-то есть. Что-то древнее, возможно темное...

– Наглость в нем есть, – с яростью сообщила Габи.

– Это неплохое качество для чернокнижника. – Тереса радужно мне улыбнулась. – Посмотри, какие у него благородные черты лица, тонкий орлиный нос...

– Распустили детей, – проворчала рыжеволосая, – распроклятые люди...

– Решено, он остается... – Тереса встала с кофточек и взяла меня за руку. – Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Мы пошли к бревенчатой избушке. Габи фыркнула и сплюнула на землю:

– Ну и пожалеете об этом...

Внутри жилище ведьм оказалось очень уютным. Что, впрочем, неудивительно, когда в заброшенном домике живут втроем одинокие женщины, пусть это даже озлобленные на весь мир ведьмы, иногда крадущие детей. Такой красоты в своей короткой жизни я еще не наблюдал. Убранство было подобрано со вкусом и любовью к крепким вещам из светлых пород дерева и изящным металлическим украшениям. Люстры и ручки дверей были отлиты из благородной бронзы, эстампы в тяжелых рамах сверкали золотом, а на комодѣ стояла огромная серебряная ваза с причудливой гравировкой – два мускулистых гиганта, ухватив друг дружку за причинные места, застыли с выражением бесконечной печали на лицах. Открыв от восторга рот, я не в силах был даже пошевелиться. Так и замер на пороге, пока Тереса мягко не подтолкнула меня чуть пониже спины.

– Что, нравится? – спросила она.

– Не очень, – ответил я, воровато оглядываясь кругом, – видали и получше...

– Я предлагаю избавиться от него, чтобы нам потом не пожалеть, – сказала Габи, когда они с Селеной остались вдвоем, – а в ученицы взять девочку. Сколько я ни общалась с мужчинами, из этого ничего хорошего не выходило.

– Но это же ребенок, – возразила беловолосая, – к тому же очень симпатичный И, кажется – думаю, мы все это ощутили, – не лишенный темного таланта.

– Ребенок, – фыркнула Габи, – каких-то десять лет, и он уже будет не ребенок... а... а жеребенок. Здоровый молодой жеребчик. И что ты тогда скажешь? Тебе двести сорок три, а рассуждаешь, как незрелая девка.

– Я и чувствую себя девочкой. – Селена улыбнулась.

– А должна чувствовать себя дурой. – Габи презрительно сморщилась. Тереса распахнула дверь.

– Он уснул, – сообщила она.

– Что, так сразу? – удивилась Габи. – Как-то это подозрительно.

– Должно быть, устал в дороге, – с заботой в голосе проговорила Селена, – дети так быстро утомляются в этом возрасте...

Я же вовсе не спал, а с интересом подслушивал их разговор. Впрочем, через пару минут ведьмы занимали меня куда меньше. Я вскочил с постели, на которую до этого упал, сделав вид, что засыпаю от усталости, и принялся копаться в ящиках тисового комода, стоявшего в углу. Мне удалось обнаружить в его недрах и прикарманить две баночки с эликсирами, сушеную лягушачью лапку (настоящее сокровище) и серебряное кольцо (можно будет выгодно продать его в Аноре в лавке старьевщика – он никогда не гнушался брать ворованные вещи. Кольцо попыталось укатиться от меня под кровать, но было поймано – от малыша Жака еще никто не уходил. Новообетенные сокровища я спрятал под матрас и тогда, почувствовав уверенность в завтрашнем дне – мне было обеспечено пропитание, я действительно решил вздремнуть. Для ребенка, даже такого бойкого, как я, день оказался слишком насыщен событиями.

На следующее утро меня разбудили очень рано, плотно накормили вкусным завтраком – тарелка манной каши и хлеб с сыром – и стали мучить расспросами, не брал ли я вчера некоторых вещей.

– Конечно нет, – отвечал я как ни в чем не бывало и постарался придать своему лицу выражение кристальной искренности и невинности.

– А давайте съедем его, – предложила Габи, и я ощутил, что в своей короткой жизни никого и никогда так люто не ненавидел, как эту рыжую ведьму, заставлявшую меня снова и снова испытывать страх.

– Оставь, Габи, – Тереса поморщилась, – ты, наверное, сама спрятала куда-то баночки и кольцо, а теперь обвиняешь ребенка.

– Спрятала специально, – поддержала ее Селена, – чтобы извести мальчика, он ей с самого начала не понравился.

Она погладила меня по голове, и я, открыв глаза как можно шире – так мое лицо казалось честнее, я хорошо знал это по опыту, – согласно закивал.

– По поводу «специально» я ничего не говорила. – Тереса строго посмотрела на Селену.

– Где же баночки и кольцо? – задумчиво произнесла она... – Баночки и кольцо... баночки и кольцо...

Ее глаза гипнотизировали меня, проникали в самую душу. «Баночки и кольцо... баночки и кольцо...»

– И лягушачья лапка, – неожиданно вырвалось у меня... Вот уж не думал, что смогу когда-нибудь так глупо проколоться.

... Наказание было чудовищно жестоким. Меня заперли на темном чердаке, где под самым потолком с визгом носились тени летучих мышей. Иногда их перепончатые крылья жестко хлестали меня по лицу и рукам. Не могу сказать, чтобы я когда-то боялся этих отвратительных тварей, но обидно мне было необыкновенно... Я сел, прислонился к стене и горько заплакал. Где моя спокойная жизнь в притоне мадам Агеллы, где каждая из девочек норовила погладить меня по голове и угостить чем –нибудь сладеньким... Я имею в виду настоящие сладости. А вы что подумали? В то время я был еще слишком мал, чтобы думать о сладости женского тепла и ласки... Выпустили меня поздно вечером.

– Ты должен отнестись к нам с уважением, – сказала мне Тереса, – запомни, ты избран. Для тебя это, конечно, сейчас ровным счетом ничего не значит, но запомни, что это очень большое продвижение вверх по социальной лестнице. Хотя ты вряд ли понимаешь меня. Чтобы объяснить тебе лучше, я спрошу тебя вот о чем. Кто были твои папа и мама?

– Мама умерла, когда я только родился, а папа крадет драгоценности и деньги. Он – самый лучший вор в Оссирисе. – Я гордо задрал подбородок. – Самый лучший – мой папа, вот так-то.

Тереса всплеснула руками:

– Селена, что за мальчишку вы приволокли? У него очень нездоровая наследственность.

Если бы они только знали, насколько моя наследственность нездоровая! И кто я такой на самом деле! Но для них мое происхождение и моя истинная природа были совершенно неочевидны. В тот момент их волновал только тот факт, что мой папаша был вором и выпивал за завтраком бутылку красного вина, вторую он уговаривал к обеду и дотянуть до вечера ему никогда не удавалось. Сбросив грязные башмаки, он громко храпел, разбросав руки и ноги. А вокруг него в беспорядке валялись бутылки из-под крепленного эля, к которому он цитат предосудительное пристрастие.

Габи неожиданно вступилась за меня:

– Наследственность дурная, ничего не скажешь, зато у него ловкие пальцы. С такими руками ему будет легко созидать знаки.

– Да, это правда, – Тереса улыбнулась, – об этом я не подумала. Что ж...

Она немного встряхнула меня, потому что я заскучал, пока они обсуждали достоинства и недостатки моего происхождения, и уже не слушал их, а предпочитал изучать содержимое своего носа. Я почти целиком запустил туда указательный палец и энергично вращал им внутри.

– Если ты украдешь у нас еще что-то, мы будем вынуждены сделаться очень жестокими, ты понял? – спросила Тереса, аккуратно извлекая мой палец из носа.

– Понял, понял, – проворчал я, – а если вы украдете у меня что-нибудь?

– Этот мальчишка невыносим, – всплеснула руками белоголовая Селена.

– У нас нет такой при-выч-ки, – почти по слогам прошипела Тереса, и я понял, что она едва-едва сдерживается, чтобы не задушить меня.

Мой взгляд невольно остановился на ее изящных руках с длинными ногтями, покрытыми иссиня-черным лаком, и я поспешно закивал. Уже потом я узнал, сколько крови на этих руках. Но тогда мне хватило только мельком посмотреть на них, чтобы согласиться со всем, что скажет Тереса. Вид у красивых ручек был действительно злоеший. Подушечки указательных пальцев едва заметно пульсировали – это рвалась наружу магическая сила, а острые черные ногти отличали такой неподдельной агрессией и готовностью впиться в глаза любому, кто только перейдет Тересе дорогу, что волосы на моей голове вдруг ожили и начали едва заметно шевелиться.

– Ну вот, кажется, мы уладили это небольшое недоразумение, – Тереса вздохнула, – завтра же приступим к обучению.

Сказав «обучение», она выразилась весьма мягко. Ей следовало употребить другое более подходящее слово – «эксперименты», потому что они решили подвергнуть мой организм мутации, после которой я не был бы уже человеком, а сделался тем, кем физиологически являюсь по сей день. Кем, кстати сказать, являлись в некотором роде и они сами.

Над нами не властно время. Над нами почти не властны силы природы. У нас есть некоторые способности, которые ужаснут обычного человека. Путем длительных тренировок мы достигаем абсолютной гармонии тела и духа. И дух дает нам многое. Он дает нам возможность черпать из природы энергию и обращать ее в материальные знаки, забирать у элементарей стихий их внутреннюю сущность и делать их своим оружием. Нам дано многое, очень многое. Но... но лучше бы я все-таки оставался человеком. Слишком сильно в ранней юности я ощущал свое отличие от обыкновенных людей. Слишком сложно мне было войти в обыкновенное человеческое сообщество и стать кем-то значимым, занять, так сказать, свое место в обществе. А в ранней юности я был весьма и весьма честолюбив и, конечно, стремился добиться успеха, не понимая, что участь колдуна мне уготована свыше. Она была гарантирована самим фактом существования того, кем являлся я.

Уже потом, много позже, я осознал, что моя непохожесть, оригинальность, неумеренность, удачливость и сила были происхождения куда более высокого, нежели эликсиры и учение ведьм.

И тогда мои устремления, как и мои потребности, сделались настолько глобальными, что расширились до поистине вселенских масштабов...

– Как тебя, кстати, зовут, маленький воришка? – спросила Тереса.

– Жак.

– А как тебя звала ма... звал папа ласково? – Селена улыбнулась.

Всех присутствующих, включая меня, ее материнский инстинкт, проявившийся буквально во всем, жутко раздражал.

– Так и звал – «маленький воришка», – ответил я сердито, – а еще он говорил: «Ну ничего, вот вырастешь, будешь большим».

– Хватит этого бреда, – мрачно произнесла Тереса, – забудь о доме и о папе: ни дом, ни папу ты больше не увидишь...

Теперь, по прошествии многих лет, могу сказать, что она ошибалась. Будучи во времена моих долгих странствий проездом в Оссирисе, я встретил вшивого нищего с отрубленными руками, который преследовал меня и клячу, на которой я ехал, не менее двухсот шагов. При этом он беспрестанно выкрикивал, будто я стал бы его слушать: «Подайте несчастному калеке, благородный господин, я потерял свои руки на войне за свободу!» За чью свободу он воевал, оставалось загадкой для всех, кто проезжал по этой дороге: последняя война началась по ини-

циативе безумного короля Оссириса. Всадники на лошадях и уютно устроившиеся за занавесками своих экипажей путники богатого сословия смотрели на него как на сумасшедшего.

А я вдруг, несмотря на то что последний раз виде! его много лет назад, распознал в нищем собственного отца, когда-то лучшего вора в здешних местах. Я повернул лошадь и поехал к нему. С надеждой на воспаленном лице он побежал мне навстречу, надеясь на щедрое подаяние. Ветер развеивал полы моего черного плаща и пустые рукава его грязной рубашки.

– Ты – вор, приятель? – спросил я, дотрагиваясь до тугого кошелька на поясе.

– Нет, – ответил он испуганно.

– Нет? – переспросил я на всякий случай.

– Нет, – произнес он снова.

– Жаль, – я вонзил шпоры в бока лошади, – я помогаю только бывшим ворами... Сочувствую им!

– Я вор!!! Вор!!! – орал он и бежал за мной по дороге, пока не упал в дорожную пыль.

Мне было немного жаль, что я так поступил с собственным отцом. Потом я сидел с неприкрытым лицом в кабачке за кружкой светлого эля и укорял себя за этот поступок. Правда, через некоторое время мне в голову пришла мысль, что, если бы не ведьмы, глядишь, два безруких нищих бегали бы по торговому тракту, упрашивая подать им пару медяков, одержимые скупой надеждой на то, что проезжающие не знают ни законов, ни истории Оссириса. Но ведьмы ведь тоже совершили кражу, когда забрали меня из притона мадам Агеллы. Значит, может быть воровство во благо! Над этим стоило поразмыслить.

Когда я, раскаявшись в содеянном, вернулся на дорогу, чтобы подать отцу милостыню, безрукого нищего уже переехала карета какого-то вельможи. Золоченая карета удалялась, а он был мертв. Лежал в пыли, задрал вверх поросший густой спутанной бородой подбородок.

Я не стал догонять нерадивого возницу, чтобы отомстить, а просто похоронил отца с почестями. Даже нанял процессию, чтобы не решились, что хоронят какого – нибудь доходягу или, чего доброго, вора. Купленные мною за несколько монет дешевые актеры из базарного театра шли за гробом и фальшиво скорбели. На могильной плите от моего имени высекли. «Нашедшему покой в смерти от ищущего покой в жизни». Уже потом мне пришло на ум, что люди могли подумать разное... Впрочем, не все ли равно, что они подумают.

– Выпей это. – Тереса протягивала мне бокал, из которого клубами валил зеленый дым.

– А что это такое? – поинтересовался я.

– Яд, – строго ответила Тереса.

В устах Габи такой ответ на мой простой вопрос прозвучал бы правдиво, но Тереса не могла так со мной поступить. Она хоть и была жестокой ведьмой, в чьих руках было так много опасной темной силы, но я чувствовал, что ко мне она относится хорошо. Я недовольно сморщился и взял эликсир. Слегка поболтав странное варево в руках, я засунул в густую жижу язык. На вкус эликсир оказался горьким, к тому же он слегка отдавал навозом. Я, правда, никогда не пробовал навоз, но почему-то мне кажется, что на вкус он именно такой, как эликсиры ведьм. А может, всему виной был запах зелья. Навозный противный запах. Я глубоко вздохнул, посмотрел на Тересу, но в ее глазах светилась неумолимая решимость. Я выпил содержимое бокала и вздрогнул от отвращения.

– Прекрасно, – сказала Тереса. – Теперь ты будешь пить снадобье и жевать определенные сорта древесного волокна каждый день.

– Каждый день?! – выкрикнул я.

– Да, пока у тебя не вырастет рог на лбу, ха-ха-ха. – Наверное, она считала сказанное смешным.

Женское чувство юмора всегда оставалось для меня загадкой, а чувство юмора ведьм к тому же отличалось изрядной мрачностью. В чем вам еще предстоит убедиться.

Правда, однажды они здорово пошутили, я хохотал как сумасшедший, когда Габи пересказывала мне всю эту историю.

Король Фольгест чем-то насолил рыжеволосой ведьме, будто бы он оказался недостаточно вежлив и даже приказал сжечь ее на костре... Разумеется, Габи удалось ускользнуть. А потом ведьмы украли старшего сына Фольгеста – наследного принца, юнца крайне самонадеянного и жестокого. Он развлекался тем, что ловил крестьянских детишек в округе королевского замка и устраивал на них псовую охоту с товарищами из высшего света. Юного отпрыска насадили на самый высокий шпиль башни, откуда снять его не представлялось возможным. Причем проделано все это было с таким мастерством, что шпиль вошел ему точно между ног, а вышел на макушке. Правую руку принца ведьмы закрепили горизонтально, сделав из нее своеобразный указующий перст. Поскольку шпиль был сделан в виде флюгера и труп принца все время разворачивало, то очень скоро сельские жители наловчились определять по его положению направление ветра.

Габи рассказывала, давась от хохота, как Фольгест нанимал скалолазов в горах Киммерии, чтобы труп его двадцатитрехлетнего отпрыска был возвращен на грешную землю.

Вот такая смешная история...

Свое семилетие я справил грандиозно. Ведьмы приготовили праздничный ужин. Во главе стола возвышался белый торт с семью черными свечами. Лиловым кремом Селена вывела на нем: «Черному волчонку Жаку в день рождения». Я был необычайно польщен.

И все было, кажется, настолько замечательно и тепло, что представить себе лучший день рождения семилетнего малыша сложно. Вот только со свечами вышел легкий конфуз. Мне вздумалось пошутить, и я, вместо того чтобы задуть свечки, полыхнул в сторону торта огнем.

К тому времени мой организм уже достаточно трансформировался, чтобы я мог определиться со стихийной предначертанностью. Теперь и ведьмам суждено было узнать, что меня привлекал ОГОНЬ.

На сидящей по другую сторону стола Тересе мгновенно вспыхнуло ее праздничное платье, которое она по случаю дня рождения прикупила в окрестностях Танжера. Тереса в ужасе закричала, вскочила из-за стола и одним движением руки вызвала поток воды. Мокрые с ног до головы и весьма недовольные друг другом, мы сидели за облитым водопадом праздничным столом. Салаты плавали в грязноватой жиже, икра растеклась по белой скатерти, ее черные крупные зерна были повсюду, несколько блюд смыло под стол, куропатка выглядела, словно дохлая курица, и единственное, что все еще оставалось аппетитным, – поросенок с яблоками. За него я и ухватился.

Страхивая с мокрых ладоней куски праздничного торта, Тереса проговорила сквозь зубы:

– Не будем портить шалуну праздник!

– Не будем, – согласилась Габи и вдруг дико захохотала: – а будем звать его теперь Жак Огненный.

– Не будем портить мне праздник, – выкрикнул я, не сумев сдержать смех и, размахивая поросенком, вскочил на стул.

Внезапно нас захватило веселье, от недовольства не осталось и следа... Некоторое время мы хохотали, а потом принялись за поросенка...

С каким упоением я вспоминаю сейчас эти благословенные времена и моих воспитательниц. Время не властно над нами, но порой вместе с ним в нашу жизнь приходит нечто, навсегда лишаящее его значимости... Нечто темное и неправильное, нечто, что не должно происходить никогда и тем не менее происходит... И вот тогда уже совершенно не важно, прошли ли дни, месяцы, века, потому что утрачено главное – теплота отношений. Тереса, Габи и Селена...

Знали бы вы, уважаемые дамы и господа, что мне приходилось проделывать в детстве. По мнению ведьм, искусство самоусовершенствования заключалось в том, чтобы оказаться выше всех. Чтобы вы поняли, что я имею в виду, достаточно упомянуть хотя бы о том, что меня принуждали совершать пируэты на бревне, которое мои воспитательницы подвешивали в ста шагах над землей. Оттуда я мог разглядеть все окрестные земли. Я видел лес, который простирался на многие версты вокруг, видел спокойную широкую реку на востоке, которая медленно несла свои воды, а север был скрыт от моего пытливого взора горами.

Жители лесного поселения, куда я гораздо позже наведалься и где украл лошадь, застыли в немом ужасе и показывали на меня пальцами. Впрочем, они были весьма бедными и темными людьми. Не знаю, что они себе воображали, когда видели мои упражнения, но с вилами и зажженными факелами ворваться в наше жилище они так и не отважились. Может быть, еще до моего появления они уже приобрели опыт общения с ведьмами и не желали его повторения, а может, я, кувыркающийся на бревне в ста шагах над землей, казался им посланцем богов.

Ведьмы покрикивали снизу, чтобы я не ленился и делал упражнения тщательнее.

А что было бы, если бы я, семи лет от роду, поскользнулся и полетел вниз?! Разбился бы, наверное, в лепешку... Должно быть, этот неинтересный вопрос моих зловещих нянек совершенно не занимал. Их интересовало только мое физическое развитие и всеобъемлющее образование. Просить у них милости было все равно что разговаривать с бронзовой статуей усопшего короля Георга. Габи и Тереса не обращали на мое нытье ровным счетом никакого внимания.

Селена, правда, была мягче, она баловала меня своим вниманием и любовью. Но для нее я вовсе не был живым маленьким человеком. О нет! Я был кем угодно, только не человеком – куколкой, обезьянкой, смешным и забавным зверьком, которого можно потискать. Что вы! Меня ведь можно было наряжать в шутовские кукольные наряды и разговаривать со мной так, словно я круглый идиот. «Ути – пуси... Ути-ути... Пуси-пуси»... Черт бы ее побрал с этими кретиническими завываниями!

Слава богу, что Тереса и Габи были сделаны из другого теста и с презрением относились к ее материнскому инстинкту. Инстинкт!!! Дьяволы сановники, прыгайте теперь на ее костях!!! Ладно, мне не пристало так ругаться. Хотя какого черта?! Вспоминаю, как я провел свое так называемое детство, и мне делается мучительно больно! Ей-богу... ей-черту... вернись я в те годы, я бы уже не был таким покладистым.

Знания и ловкость вливались в мою голову и плоть зеленоватым эликсиром и жестким каждодневным трудом. Они травили меня, искажали мою человеческую сущность, в то время как я еще не созрел для принятия самостоятельных решений. Ну ничего, потом я дозрел...

Но не надо думать, будто я только и делал, что развивался физически и учился колдовству. Ведьмы вполне отдавали себе отчет в том, что они в некотором роде ответственны за меня и за мое будущее. А потому всеми силами они старались сделать из меня гармоничную личность. Я бы не сказал, что получил образование, позволяющее мне появиться в свете. Мое образование было несколько иного толка. У дворянских детей или у детей высокопоставленных особ оно не столь гармонично сбалансировано. В них не вливали эликсиры. А после они красными от пережитых мук и трансформаций глазами не читали научный труд Тетиния Младшего в восьмидесяти трех томах. Их не учили, например, играть в карты или соблазнять женщин. Это приходило к ним от сверстников. Я же брал уроки потерноу мастерства у Селены. Она неожиданно оказалась заядлой картежницей – погеритисткой. Мы освоили все виды игр. Однако на первом месте все-таки оставался погер.

Тереса тоже подчеркивала важность карт. Она грозила мне пальцем, когда я швырял матовые картинки под потолок, проигрывая Селене, и просила меня не шутить с картами. Она говорила, что карты обладают магической силой, и сила эта легко может обратиться против

путника... Ее отношения с картами, ее намеки на карточную предопределенность судьбы со временем стали так бесить меня, что как – то я в порыве ярости укусил ее за лодыжку. Вышло это совершенно машинально. Она дико завопила и принялась отдира́ть меня, обзывая грязным маленьким мерзавцем.

Я заметил, что у каждой из ведьм бы какой-то маленький бзик, то, что можно было бы назвать навязчивой идеей, привязчивой фобией, нечто, что вызывало у них страх. Тереса, например, панически боялась карт, для Селены настоящим кошмаром были зеркала, она прятала их по дому, разбивала, а осколки закапывала в саду. По этому поводу частенько возникали ссоры.

– Где мое зеркало, ты, жирная дура? – орала Габи. – Я, кажется, говорила тебе, чтобы ты не прикасалась к нему?

– Не знаю, – стараясь скрыть злорадство, шипела Селена. – У тебя что, было зеркало? Впервые об этом слышу...

Поначалу мне казалось, что рыжеволосая Габи не боялась ничего. Однако со временем я узнал, что она не может спокойно выносить грозу. Когда свинцовые тучи приходили из-за гор, цепляясь за острые верхушки скал, долину накрывал сумрак, а в небесах грохотало и в воздухе ощущалось свинцовое предгрозовое предчувствие, лицо Габи становилось растерянным, волосы ее теряли огненный оттенок, тускнели и безжизненно повисали вдоль спины спутанными желтоватыми прядями. Она поднималась наверх и надолго запиралась в своей комнате. Щелкал засов, в домике ведьм наступала тягостная тишина. Как-то раз я попытался потревожить ее в такой момент, долго и безуспешно барабанил в дверь, но так и не получил ответа...

Страдая некоторыми фобиями, они все же оставались необычайно могущественными ведьмами. Ко всему прочему они были страстными женщинами.

Габи брила ноги в ванне, наполненной горячей водой, и тихо что-то напевала. Никакого стеснения она не испытывала. В натуру Габи просто не было заложено такое «неважное» качество. Стеснение?! Да вы что?! Есть такое?! Ну и ну!

Поэтому я имел возможность всегда наблюдать за ней. Я сидел за дубовым столом и усиленно делал вид, что изучаю колдовскую книгу – мне поручили разучить очередную тарабарщину из каббалистических знаков заклинательного характера, – на самом деле, подняв глаза над страницей, я смотрел, как она, высоко задрав тонкую гладкую ногу всю в клочьях мыльной пены, медленно водит по ней остро отточенным кинжалом...

Завершив этот обряд, Габи поднималась из ароматной ванны. Ее изящество сказывалось во всем. Слегка поддерживая массивную для такого тонкого тела грудь, Габи делала несколько шагов, при этом я имел возможность разглядеть шелковистый треугольник золотистых волос ниже ее округлого живота, затем она заворачивалась в тонкое покрывало и, усевшись перед зеркалом, которое не раз пыталась известить Селена, принималась расчесывать рыжие волосы бронзовым гребнем.

Это зрелище и сейчас у меня перед глазами. Грациозная, словно богиня, белокожая, подобно статуэтке из слоновой кости, Габи перешагивает через серебристый бортик ванны с мыльной водой, скосив на меня насмешливый зеленый глаз, и солнечный луч отсвечивает на ее крутом бедре и полукружиях крепких ягодич.

... Когда мне исполнилось шестнадцать, ведьмы решили отпраздновать день, когда я был привезен в маленький домик, окруженный густым лесом, в предгорной долине. Я безвылазно прожил здесь долгих десять лет и уже давно называл его своим домом.

Что за угощение они приготовили! Видели бы вы этот стол – он буквально ломился от яств. Запеченные в яблоках куропатки, трюфеля, экзотические фрукты, жареный барашек,

рыбное филе под соусом, антрекот, около сорока видов всевозможных салатов, диковинные блюда: ростки фасоли и яйца огагули, распахнутые раковины глазурпии...

Я восторженно взирал на все это великолепие, предвкушая потрясающее пиршество. Несколько лет назад у меня вдруг прорезался дикий аппетит, и теперь, если ведьмы хотели мне угодить, они готовили что-нибудь вкусненькое.

К тому времени бурный период полового созревания у меня уже завершился. Я весьма интересовался женщинами и всем, что было так или иначе связано с сексом. За прошедшее время я превратился в высокого худощавого юношу с крючковатым носом и цепким взглядом почти желтых глаз. Полагаю, если бы не принимаемые мною в большом количестве эликсиры, я бы выглядел совсем иначе.

– Дай-ка я тебя поцелую, мой дорогой, – сказала Габи.

Она обошла стол, оттолкнула с дороги пару стульев и приблизилась ко мне. Я ощутил исходящий от нее пряный аромат. Она всегда пользовалась благовониями, принимала ванны с маслами, о которых любая женщина может только мечтать. Габи всем телом прижалась ко мне.

Могу поспорить, у меня подскочило давление, когда она ухватила губами мой подбородок, некоторое время обсасывала его, а потом снова обошла стол и уселась на место.

Тереса и Селена наблюдали эту сцену с плохо скрываемой неприязнью. Я почти расслышал, как Тереса прошипела: «Потаскуха!» В тот момент меня все происходящее очень удивило, я пока не мог понять что происходит...

И это был первый случай, когда Габи обратила на меня внимание как на зрелого мужчину. С тех пор я интересовал ее все больше и больше. Я часто ловил на себе ее смеющийся взгляд, она рассматривала меня и кусала губы. Когда я входил утром в обеденную комнату, Габи расчесывала волосы перед зеркалом. Она больше не брила ноги в тазу с водой в моем присутствии. Она даже посылала мне воздушные поцелуи, когда этого не видели Селена и Тереса.

А однажды я застал весьма неприятную сцену. Я собирался спуститься вниз из своей комнаты, когда меня остановило то, что я услышал внизу. Тереса ей говорила:

– Ты ведешь себя, как последняя шлюха! Ты что, не можешь найти себе мужика в деревне?!

– Я-то хорошо знаю, в чем дело, – свистящим шепотом отвечала Габи, – ты говоришь мне все это, потому что сама на него глаз положила. Так ведь?! Так?

– Ты – дура, я смотрю на него только как на нашего воспитанника.

– Не надо мне лгать! – Мне представилось, как Габи делает шаг вперед, развернув свои божественные узкие плечи и чуть приподняв юбку, чтобы топнуть меленькой ножкой. – Из нас троих только Селена относится к нему как мать. Я же вижу, как ты на него глядишь. Так и хочешь засунуть ему руку в штаны.

Думаю, я заметно покраснел, но ничем не выдал своего присутствия. Меня только странным образом взбодрило произнесенное с яростью слово «засунуть». Между тем внизу наступила пауза. Ее прервала Тереса:

– Если хочешь знать, то да! Но я не делаю ничего так демонстративно, как ты. Я хочу, чтобы у него было право выбора, а пока он еще слишком молод и прыгнет в постель любой шлюхи.

– Будь осторожна, ты называешь меня шлюхой второй раз! – Габи была вне себя от ярости.

– Заметь, я ни разу не назвала тебя «шлюхой», я просто не хочу, чтобы ты ею была.

Тереса, видимо, решила поставить точку в разговоре, потому что за ее спиной хлопнула дверь. А может, это Габи выбежала прочь. Хотя бегство было не в ее характере.

Честно говоря, довольно жутко, когда тебе шестнадцать, находиться меж двумя распаленными и перевозбужденными ведьмами, которые пышут жаром вожеления и магической мощи, поэтому я стал все больше общаться с Селеной и меньше – с Тересой и Габи. Пока тол-

стая и добрая Селена не сказала мне: «Подойди поближе, Жак... Еще ближе...». Вы понимаете, о чем я?! Ну, разумеется, понимаете. Куда же делся ее материнский инстинкт? Наверное, она просто не могла испытывать его вечно, будучи ведьмой.

А посему, не доучившись и преуспев в магическом ремесле лишь отчасти, правда успев завершить курс необратимых изменений в организме, я решил бежать, пока они не разорвали меня на части.

Не подумайте только, что я ханжа или моралист. Я ничего бы не имел против Габи... или Тересы. Или обеих сразу... Или по отдельности, но чередующихся ночь через ночь... Или... Но что-то подсказывало мне, какие-то высшие силы, что добром начавшиеся сексуальные интриги не закончатся. Ссора между ведьмами затянется на века, а от меня останется горстка пепла и две, нет, три стелющиеся над ней женщины. Поэтому я предпочел сохранить их добрые отношения и свое здоровье.

Должен признаться перед вами в одном своем грешке. Я припомнил о своем ремесле вора, уготованном мне папашей, но, к моей чести, это случилось всего только раз. Впоследствии я если и брал чужое, то это были города, куда входила моя армия, армия Черного Властелина. По мелочи я крал в последний раз. Произошло это в первом же попавшемся мне на пути поселении. Это была та самая деревенька, которую я наблюдал еще в детстве, когда парил в небесах на бревне. Я сделался конокрадом. Прокрался в стойло и отвязал единственное хилое животное, которое там было. Лошадь испуганно попятилась от меня, но я сумел ее успокоить, нашептывая ей в уши заученные с детства слова, помогающие укрощать некоторые виды полумразных живых существ.

На худой, очень старой кляче я проделал недолгий путь до первого же большого города. Там я сбыв лошадку толстомордому мерзавцу в засаленном фартуке, который держал городские конюшни и возглавлял службу городских перевозок. Теперь руки мои были чисты, и совесть покойна. Я стал колдуном с покойной совестью.

Кошмар второй АРОМАТ ЖИЗНИ

В общество надо вкрасться, как чума, или врезаться, как пушечное ядро. Смотрите на людей как на лошадей, которых надо загонять и менять на станциях... А женщины представляйте сосудом наслаждения, и только...

Оноре де Бальзак.

На вырученные от продажи жалкой клячи деньги я собирался как можно комфортное устроиться на ночлег. Должно было хватить и на скромный ужин.

Как только я осмотрелся в городе и понял, что вокруг полно пышнотелых красоток и местечек, где подают светлый эль, меня мгновенно охватила сильнейшая эйфория. Я окунулся в нее, как в озеро с чистой родниковой водой...

Я, конечно, ожидал погони и смутно сознавал, что ведьмы довольно легко могут меня найти, но я был молод, и всякая опасность казалась мне далекой и почти неосязаемой. Страх и вовсе не существовал для меня, выросшего в безлюдной глуши, он был чем-то не вполне реальным. Возможно, такой эффект на мою юную психику оказали снадобья ведьм.

Я брел по каменной мостовой и с восторгом, который легко читался на моей остроносой физиономии, разглядывал приземистые городские строения. Дом с поблекшей и выцветшей вывеской «Постоялый двор „Озарение“» немедленно привлек мое внимание. Это была низкая постройка из первоклассного белого кирпича с закопченной печной трубой и когда-то красной черепичной крышей. Здесь я и остановлюсь. Я толкнул дверь и оказался внутри.

Делами в «Озарении» заправляла хозяйка. Она была необыкновенно высокого роста и очень костлявая. В свои шестнадцать во мне уже было больше шести футов роста, но она обошла меня по всем показателям. Правда, ее фигура отличалась чудовищной непропорциональностью и угловатостью. Нескладность эта настолько бросалась в глаза, что казалось, будто вся она состоит из одних локтей.

– А, молодой человек, – заметила она, глядя на меня едва заметно подрагивавшими зрачками серо-голубых водянистых глаз. Было похоже на то, что ее пугали приятные на вид молодые люди, а может, она пыталась скрыть какие-то особенные мысли, какие не высказывают вслух. Она шумно сглотнула слюну и продолжила: – Где ваши родители?

– Умерли, – резко ответил я.

– Это ужасно... ужасно... – без тени сочувствия, а с какой-то даже скрытой издевкой заметила она.

– Меня опекают, – ответил я.

– Где же ваш опекун?

– Опекуны, – поправил я ее. – В настоящий момент я их покинул.

– Интересно... – Она схватывала на лету.

– А пока мне нужна теплая комната с постелью и письменным столом.

– Вы пишете, юноша? – В ее вопросе прозвучал неподдельный страх.

Чтобы испугать ее окончательно я ответил:

– Кое-кому очень нужны важные сведения.

– Ага, – ответила она, в ее голосе прозвучало непонимание.

Она пошевелила нижней челюстью. Потом глаза ее просветлели, и она спросила, стараясь придать голосу как можно больше мягкости:

– Государственная служба?

«Получу я когда-нибудь комнату у этой идиотки?!»

– Я не уполномочен обсуждать такие дела! – рявкнул я и стукнул кулаком по стойке. – Так как насчет комнаты?

Она сильно испугалась, что сболтнула лишнее:

– Да, конечно... – Рот ее некоторое время неритмично подрагивал.

Она опасливо протянула мне ключ, должно быть, решила, что я шпион короля в этой местности.

– Спасибо. – Моя артикуляция была подчеркнута отчетливой.

– Обычно мы берем за месяц вперед, – пробормотала она.

– Это все, что у меня есть на данный момент. – Я протянул ей несколько медных монет.

Потом, сжав в кулаке ключ, отправился искать свою комнату.

Она следила за мной, цепляясь скрюченными пальцами за стену и трогая родинку на левой щеке... Кажется, родинка на левой означала несчастье в личной жизни.

... Но сейчас я вспоминаю ее совсем не такой, как при первой нашей встрече. Я припоминаю забрызганные кровью стены холла, бардовые разводы на серой стойке, побитую посуду и ее голову, так тихонько лежащую в уголке с застывшим на лице выражением неподдельного ужаса... А рядом с этой страшной головой стоят три бешено орущие ведьмы.

Словно во сне я отступаю к двери, стремительно прыгаю на улицу и бегу прочь. А они устремляются за мной. При этом Тереса верещит, как кошка, которой наступили на хвост, а Селена подвывает, как попавшая в капкан лисица.

А я бегу так, словно за мной гонится свита Сатаны. Если вдуматься, то так оно и было. Позади меня раздается дикий вопль Габи:

– Жак!!! Жа-а-а-а-а-ак...к...к!!!... Стой!!!...

Впрочем, моя встреча с «опекуньями» произошла еще очень не скоро. К тому времени совершилось множество событий, я уже успел лишиться девственности, подружиться с лесным демоном, освоиться в городе и полюбить его...

Сюда мы еще вернемся...

Итак, больше не оглядываясь на хозяйку постоялого двора, я прошел к комнате и отпер ее ключом. Комната была небольшой, но вполне опрятной, кирпичную кладку изнутри скрывали развешанные на стенах куски бархатной материи, такой же материей было застелено весьма широкое ложе, занимавшее добрую половину комнаты. Я посмотрел в зеркало, висевшее в углу, вспомнил Селену, столь ненавидевшую все зеркала на свете, и уселся на кровать.

Мне следовало подумать о будущем. Что оно сулило юному колдуну вроде меня? Конечно, я мог бы демонстрировать ярмарочные фокусы – плевать огнем, извлекать его из воздуха и заигрывать с жующими семечки подсолнуха дамочками, которые, фыркая, отворачивались бы от комедианта, – но этот путь привлекал меня меньше всего: я был молод, но тщеславен, юность моя не являлась помехой чрезмерному честолюбию.

Грязный городишко, где по прихоти судьбы я оказался, распаивал передо мной все двери. Двери воровских притонов, борделей, казенных домов, двери пыточных камер и даже маленькую дверцу к лестнице на эшафот, но передо мной могли открыться и двери дворцов, обеденных зал – двери больших надежд и легкой жизни. Тем более что ведьмы все же успели меня кое-чему научить... И это что-то я планировал использовать для своего возвышения.

Решив во что бы то ни стало добиться успеха, я для начала отправился прогуляться по городу. Меня интересовало абсолютно все, мне до всего было дело: я с шести лет не был в большом городе. Подозреваю, что, подчинившись своему неумному любопытству, выглядел я весьма странно. После того как я пересек несколько мостиков через мелкие речушки – в них плавали картофельные очистки, рыба чешуя и прочая мерзость, – передо мной вдруг возникло здание городской ратуши. В высоченной башне болтался массивный бронзовый коло-

кол. Дважды в час священнослужители били в него – гул разносился по всему городу. Потом я понаблюдал, как несколько монахов рубят дрова, связывают их в крупные вязанки и таскают к воротам монастыря. Затем мое внимание привлекли женщины, громко спорившие о чем-то. Уперши руки в крепкие бока, они орали на всю улицу. Увидев, что я остановился и внимательно наблюдаю за ними, слегка склонив голову, женщины поспешили завершить свой конфликт и разошлись. Я недолго походил за сборщиками навоза, они бродили с плетеными корзинами, и на лицах их было написано сосредоточенное внимание. «Лишь бы не пропустить особенно крупный кусок навоза» – легко читалось во взгляде каждого. Когда они стали на меня подозрительно поглядывать, я улыбнулся и направился восвояси.

Людской гомон, доносившийся с одной из шумных площадей, привел меня на базар, где я немедленно приобрел на последние деньги пурпурный плащ, широкополую черную шляпу и мягкие сапоги из свиной кожи. Мои более чем скромные финансы на этом истощились. Осталась одна мелкая медная монета. Я надеялся, что на этот потертый кружочек оранжевого металла мне удастся купить себе немного еды. С деньгами я никогда не имел дела, и мне было сложно представить себе, насколько они важны в жизни человеческого сообщества и отдельно взятого его представителя.

Разодетый, с весьма наглой физиономией, крючковатым носом и вытянутым кверху острым подбородком, на котором едва заметно намечалась ямочка, я продолжил свой осмотр достопримечательностей этого городка. Мне казалось, что я начинаю ощущать его прогорклое дыхание, что он постепенно становится мне родным и понятным. Так, поминутно возвращаясь на одни и те же улицы – городок был не слишком велик, – я прогулял до самого вечера.

С наступлением темноты меня занесло в настоящие трущобы, они располагались в восточной части города. В помойных кучах шевелились люди, одноногий нищий, опиравшийся на сучковатую палку, протянул ко мне грязную ладонь и пробормотал что-то нетрезвым голосом, тени наползали из грязных подворотен и собирались за моей спиной, и вонь, поначалу почти неощутимая, теперь стала нестерпимой. Я прибавил шагу, намереваясь поскорее покинуть эти жуткие места и выбраться к родным стенам постоялого двора с лучезарным названием «Озарение»...

Я свернул куда-то, потом снова... Сзади слышались отчетливые шаги. Я обернулся. И вдруг понял, что меня окружила толпа вонючих оборванцев. Их было семеро.

– Сынок богатеньких господ, – протянул один, вынимая из лохмотьев здоровенный мясницкий нож, – сейчас посмотрим, что ты жрал на обед.

– Пошушаем твой кошелек и кармашки, – сказал другой.

Этот, видно, провел всю ночь на одной из помойных куч, потому что от него несло отбросами сильнее, чем от остальных.

– Это нехорошо, – заметил я. – К тому же, я вынужден вас разочаровать, но я вообще не обедал. Да и не завтракал. У меня наступили тяжелые времена.

– Врешь, франтик, а ну говори, чего ты делаешь на наших улицах?! – грязная ладонь легла на мой чистейший пурпурный плащ. – Небось ухлестываешь за нашими бедными и честными девушками? А? А ну-ка сдирай одежонку по-быстрому...

Должно быть, я сильно разозлил их своим франтоватым видом, но, что поделаешь, так уж я был воспитан. Селена сильно избаловала меня, наряжая с раннего детства в самые причудливые одежды, так что, когда я повзрослел, мне было весьма сложно избавиться от привычки красиво одеваться.

Никакого оружия у меня с собой не было. У колдунов не принято носить с собой мечи. Я, разумеется, умею владеть всеми видами холодного оружия, но это не основное мое мастерство. Хорошеньким бы я был колдуном, начни размахивать перед собой металлической палкой да еще совершать ею неуклюжие выпады в сторону противника...

Мои зрачки внезапно сузились, подобно зрачкам дикой кошки, я выгнул спину и сделал несколько жестов сведенными гибкими пальцами, вызвав полыхающий бордовым жарким пламенем шар. Сначала послышался далекий гул, и нападавшие стали в страхе озираться. Они еще не понимали, что происходит, только врожденный звериный инстинкт заставлял их испытывать смутное беспокойство. Я легко отступил в сторону, и уже в следующее мгновение гул превратился в рев, гигантский стук жара, разбрасывая вокруг снопы фиолетовых искр, стремительно прокатился вдоль переулка, превратив четырех нападавших в пылающие факелы. Они побежали в разные стороны, издавая крики боли и ужаса. Один бросился ко мне, стелая и вытянув перед собой сведенные, словно подагрой, ладони. Добежать он не смог, рухнул, и его скрюченные пальцы, охваченные огнем, быстро чернели, обугливаясь. Трое уцелевших стали стремительно пятиться, потом развернулись и побежали. Из моих рук вырвалось свечение, окрасившее стены домов в фиолетовый оттенок. «Хм, оно замечательно гармонирует с моим плащом». Свечением я приподнял двоих, третьего зацепить не удалось – он убежал довольно далеко. Два оборванца поднимались все выше над землей. Они барахтались в сотворенных мной устойчивых волнах и сыпали проклятиями, затем я швырнул их вниз. Оба сильно приложились о каменную мостовую, кости их захрустели, когда ломались в сочленениях. Но оставался еще один, чудом избежавший участи товарищей. Пока он не успел скрыться. Это был тот самый, что угрожал мне ножом. Я взмахнул ладонями, прошептал несколько слов, и он напоролся на начертанный мной огненный знак, более всего напоминающий ощерившегося шипами гигантского ежа. Вопли несчастного еще долго эхом звучали в глухом трущобном переулке, где, располосованный, он медленно умирал.

Я запахнулся в плащ, слегка прищурил все еще пылавшие глаза, чтобы никто не заметил в них отблесков темного пламени, и поспешно пошел прочь, намереваясь как можно скорее выбраться из зловонных кварталов, где я совершил свое первое убийство. Меня немного мутило, кружилась голова, в которой стремительно проносились самые мрачные мысли. Мне показалось весьма странным, что я так легко расправился с целой бандой нищих. И действовал я при этом столь хладнокровно, словно у меня вовсе не было сердца или же совершать убийства было для меня чем – то обыденным, вполне привычным... А между тем я ведь мог завершить этот конфликт ценой гораздо меньшей, нежели семь загубленных человеческих жизней. Но нет. Я просто отнял их, загасил вечный огонь и почти не испытываю угрызений совести. Что же я такое? Во мне шевельнулся легкий ужас самопознания, но мгновенно угас. Должно быть, это следствие физиологических и психологических метаморфоз моего организма, решил я, не стоит принимать происшедшее так близко к сердцу, в конце концов, ведь я защищал свою жизнь...

Я немного покружил по трущобам, надеясь отыскать путь к постоялому двору, но через некоторое время снова выбрался в тот же проулок. Здесь собралась целая толпа любопытных. Они глазели на обгоревшие и искалеченные трупы. Из бедолаги, угодившего в огненный знак, вытекла целая лужа темной венозной крови. Когда я появился, он все еще скреб пальцами по камням мостовой и шлепал лодочкой ладони по багровой жиже, потом затих.

Я попытался четко вспомнить, как вышел сюда, походил некоторое время по незнакомым улицам и, наконец, оказался возле базарной площади – отсюда до постоянного двора было рукой подать. Я пока не собирался ложиться спать, а решил до утра бродить по городу, но из трущоб мне необходимо было выбраться хотя бы ради безопасности трущобных жителей.

По дороге я снова размышлял. Пожалуй, были определенные плюсы в том, что я прикончил этих доходяг. По крайней мере, это происшествие позволило мне утвердиться в своих колдовских силах. Теперь я уже не праздно шатающийся любопытный сельский житель, я – могущественный колдун, встреча с которым может стоить жизни. Я горделиво вскинул голову.

Несмотря на то что обучение у ведьм я не завершил, кое-чему они все же успели меня научить. Я владел пространственной левитацией, если она касалась находящихся неподалеку от меня людей или предметов, – двигать больше двух-трех объектов было уже довольно сложно. Я также умел чертить некоторые огненные знаки, не слишком сложные, но и не совсем простые, мог вызвать тяжелый огненный шар, зажечь при необходимости магический факел и, кроме того, владел могущественным заклятием, вызывающим метеоритный дождь. Но прибегать к нему следовало только в случае крайней необходимости: вызов метеоритного дождя был крайне опасен...

Огненная магия была моим призванием и удавалась мне лучше других видов колдовства. Впрочем, я всякий раз опасался обжечься. И не случайно. Когда я был моложе, несколько раз попадал в ловушку вызванного мной огня, и только благодаря вмешательству Тересы мне удавалось уцелеть. Теперь я был один, и защитить меня от пылающей стихии было некому. В переулке я рисковал, вызывая огненный шар, но не слишком. Его я бросал не менее сотни раз. А вот если бы я вызвал метеоритный дождь, подозреваю, что мне бы сильно не понравилось.

Проплутав по городу около часа – тем временем уже окончательно стемнело, и плохо освещенные улицы превратились в настоящий лабиринт, – я выбрался на набережную. Здесь полуголые дамочки призывно манили прохожих указательным пальчиком и скидывали с плеча тонкую лямку, обнажая пышное плечико. Все они были немногим старше меня. У меня буквально глаза на лоб полезли от обилия такого аппетитного соблазна. Я выбрал самую симпатичную и приблизился, не слишком понимая, зачем я это, собственно, делаю. Через некоторое время я уже знал, что ее зовут Жокертирти и она хочет продать свою любовь за несколько медных монет.

– А куда мы пойдем? – спросил я ее.

– А тебе что, некуда меня повести?

В своем пурпурном плаще и широкополой шляпе я действительно напоминал сынка какого-нибудь важного вельможи, забравшегося в этот район, чтобы развеять извечную тоску, связанную с обилием денег и материальных ценностей.

– Мне некуда, – ответил я, нимало ее, впрочем, ее не разочаровав. – Тогда пойдем ко мне, – сказала она.

Я последовал за ней по мощенной темным булыжником набережной, пахнувшей нечистотами. Мне вдруг стало очень не по себе. Я пока еще не прикасался ни к одной девушке, и вот сейчас она, та, которой предстоит стать моей первой женщиной, подобрав полы длинного платья, следует впереди. Ее тонкие лодыжки приводили меня в священный трепет. Через некоторое время я окажусь с ней в постели, чтобы проделать это в первый раз в своей жизни. Бр-р-р. Ей-богу, мне было жутковато.

Со стороны узкой речушки до меня доносился затхлый запах. Он ощущался во всем городке, стоило ветру задуть чуть сильнее, чем обычно. Я нагнал жрицу любви и схватил ее за локоть.

– Слушай, может, пойдем помедленнее?

– Помедленнее? – Ее лицо вытянулось. – У меня времени не так много.

– Хорошо, – согласился я, – пошли быстрее.

Мы наконец добрались до темного высокого здания, едва различимого в тусклом ночном сумраке. Больше всего оно напоминало притон. Насколько я мог судить, оно тоже располагалось в самых бедных кварталах города, недалеко от того места, где совсем недавно я жестоко прикончил семерых. Двери распахнул огромный звероподобный тип. Он недолго рассматривал меня тупыми маленькими глазками, потом ладонью звонко шлепнул мою даму по заднице и прерывисто заржал, временами шумно втягивая воздух.

– В третью, Жокертирти, – сказал он и как-то недобро на меня покосился.

Мы миновали темный коридор, пахнувший мочой и потом. Доски скрипели, заглушая тяжкие стоны наслаждения, раздававшиеся за дверями, мимо которых вела меня Жокертирти.

Это местечко и окружавшая его тягостная атмосфера грязного порока могли отбить желание интимной близости у кого угодно. Но я взял себя в руки, на некоторое время задержал дыхание и быстро пришел в себя. Коль уж я решил лишиться сегодня девственности, значит, это непременно должно произойти.

Комнатка, куда мы пришли, оказалась весьма уютной, выдержанной в розовых и персиковых тонах. Тот же зловонный ветерок, что и снаружи, трепал тонкий тюль на окнах, покрывало сползло с двуспального ложа, обнажив не слишком чистую простыню. Жокертирти прошла к кровати, лукаво посмотрела на меня и резво сняла платье через голову, оказавшись в одних только лиловых панталонах. Кроме штанишек на девичьем тельце больше ничего не было. Я ощутил сильный трепет в груди, меня странным образом шатнуло, и я почти упал, а руки мои неожиданно оказались на маленьких тугих грудках. Посмотрев девушке в лицо, я увидел, что Жокертирти ободряюще улыбнулась...

– Ну что? Тебе уже надоела игра в скромника? – спросила она.

В то же мгновение я навалился на нее всем телом, увлекая на грязные простыни. Поток эмоций вдруг захлестнул меня и утопил в море наслаждения. Настолько бурного и сотрясаемого такими штормами, что на короткое время я даже забыл про отсутствие денег в моих карманах...

Впоследствии я узнал, что положение девиц в городке было настолько тяжелым, что они никогда не брали плату вперед, а предпочитали выгребать все до последней копейки у утолившего страсть бедолаги. Причем грабили они избирательно. Я, видимо, показался им весьма и весьма безобидным юношей из богатой семьи, и все благодаря шляпе и пурпурному плащу. А такого франтоватого юнца, который только и знает, что развлекаться с женщинами и пить эль, грех не обобрать.

Поэтому, когда я сообщил Жокертирти, что денег у меня нет и в ближайшее время не предвидится, распахнул дверь номера и совсем было собирался благополучно ретироваться, то уперся в грудь того самого белобрысого верзилы, что открывал нам дверь. Он стоял напротив меня, нахмурившись, и шумно сопел, извергая воздух из двух лохматых и крупных ноздрей. Мы были одинакового роста, но ширококостное телосложение позволяло ему занять собой весь дверной проем и перекрыть мне выход. Я протянул руку и постарался отодвинуть его в сторону, но получил мгновенный удар в подбородок и растянулся на холодном полу.

Жокертирти весело захохотала. Чего я так и не смог ей простить несмотря на то, что благодаря этой распутной и гнусной девушке несколько минут назад я сделался мужчиной.

Моей следующей ошибкой стало желание подняться. Увесистая ступня громилы ударила меня в лоб, и я отключился на несколько минут...

Сознание возвращалось ко мне мучительно. Я открыл глаза, и расплывавшиеся пятна постепенно обратились в потолочные доски. Я пошевелил руками и ощупал себя. Кажется, все кости были целы. Я сел и увидел, что карманы мои вывернуты, а здоровяк тискает Жокертирти на постели, где десять минут назад она лежала в моих объятиях.

– Дай я разочек тебя чмокну, курочка, – нашептывал громила, заползая прямо на нее.

Она хихикала, пока он возил пухлыми лапами по ее напряженной груди.

– Ну, Атон, ну пусти, дурачок...

И дурачок Атон внезапно отпустил. Его что-то незримо кольнуло в затылок, отчего его огромные мышцы свело жестоким спазмом, он выгнулся дугой, яростно закричал и повернулся всем телом. Тяжелый внушительный знак, начертанный моей рукой – знаки благодаря врожденной ловкости пальцев удавались мне необыкновенно хорошо, – свистнул в воздухе и упал на его ступню, где с легким хрустальным звоном растворился на расплюснутых пальцах.

– О-о-о-о, – Атон упал на колени, – о-о-о-о-о!!!

– Моли о пощаде!

Я завернулся в плащ. Глаза мои мало походили на человеческие. В лице появилось нечто безжалостное и звериное: хищник вышел на охоту.

– Пощады! – проорал Атон мгновенно; похоже, он неплохо соображал в такие моменты, а может, его интеллектуальные способности обострились, когда он испытывал физическую боль. Об этом стоит поразмышлять на досуге.

Жокертирти застыла у окна, открыв рот. От ужаса, овладевшего продажным сердцем, она была не в силах даже закричать.

– Собираешься выйти через окно? – язвительно поинтересовался я.

– Не...нет, – не сразу ответила она.

– А я думаю, собираешься!

Я бросил в нее массивный и быстро движущийся знак, который вышвырнул ее наружу. Своим приятным телом она вышибла рамы, ее ноги мелькнули в проеме окна, и она рухнула на камни мостовой, засыпанная мелким стеклом и обломками дерева.

– Деньги у тебя есть? – обратился я к поверженному атлету, который все еще подвывал от боли и ронял слюни на дощатый пол.

Атон быстро-быстро замотал головой, что должно было означать отрицание, а меня побудило вывернуть его карманы.

– Какой же надо обладать алчностью, – нравоучительным тоном сказал я, выгребая из карманов серебряные и медные монеты (в ближайшее время мне будет на что поесть и чем заплатить за комнату), – чтобы даже в минуту смертельной опасности стараться скрыть от меня вот это...

Отвесив Атону безобидную, но очень оскорбительную пощечину, я стремительно вышел в коридор.

Здесь я столкнулся с субъектом, который, посылая воздушные поцелуи, спиной выходил из противоположенной комнатки. Он повернулся ко мне. Лицо его было исполнено благородства и бурлящего внутреннего веселья. На вид он был немногим старше меня, но уже отрастил себе темную бородку и тонкие усики.

Впрочем, позже я узнал, что возраст его варьировался в зависимости от ситуации. Чаще всего он был весьма молод, ибо был молод душой.

– Ты от кого, друг мой? – поинтересовался он.

– От Жокертирти.

– О, Жокертирти! – Незнакомец прищелкнул языком. – Хорошая девочка, но у нее плохие друзья, совершенно лишённые обходительности. А я от Сесил. Ты еще не был у Сесил?

– У Сесил... Нет. Но, пожалуй, последую твоему совету и навещу ее.

Я все больше обретал смелость и уверенность в себе.

Мой ответ его развеселил.

– Рекомендую.

Мы рассмеялись. Затем миновали темный коридор и вышли на улицу, продолжая оживленно шутить и смеяться, – мы вдруг показались друг другу необычайно остроумными и веселыми. Свернули за угол и натолкнулись на неподвижную Жокертирти – она лежала в обломках оконных рам...

– А ты, я смотрю, умеешь повеселиться, – после короткой паузы заметил мой новый товарищ, покручивая правый ус, – значит, с Жокертирти мне развлечься уже не удастся... – Он протянул мне руку: – Ракрут, Ракрут де Мирт.

Свое имя он произнес еще несколько раз, уже после того, как я представился, словно хотел, чтобы я его надолго запомнил.

– Ну, что у тебя в планах, дружище Жак? – спросил он.

– Да в общем-то ничего, я только сегодня прибыл...

– Вот как, тогда отправляемся кутить, надо же показать этому городку, что такое настоящее веселье?

Через секунду мы рухнули в адский полуподвал заведения «Веселый пропойца». Дамочки здесь ходили неглиже, а сумасшедшая пьяная публика гудела подобно шумному водопаду, в котором я утонул на целый год.

Ракрут де Мирт оказался идеальным товарищем для веселья. Монеты различного достоинства водились у него в избытке, они волшебным образом возникали и столь же мгновенно, но уже самым обыкновенным образом, испарялись, потраченные на добрый светлый эль и красоток, чьи достоинства были несомненны, ибо сразу же бросались в глаза.

На постоялый двор я захаживал редко, предпочитая ночевать в других местах. Всякий раз я повергал хозяйку, ведущую пуританский образ жизни, в ужас своим растрепанным, но безнадёжно веселым видом. В целом она была мной довольна, потому что «королевский шпион» всегда вовремя платил за комнату, к тому же не слишком докучал ей своим присутствием.

Помимо вещей, приобретенных в первый же день моего пребывания в городе, я накопил еще кучу всякой всячины, одалживая деньги у де Мирта и беззаботно думая, что когда-нибудь с пенсии, назначенной мне королем за мои заслуги перед государством, верну Ракруту все долги.

Через некоторое время я выяснил, почему мы так легко нашли с Ракрутом де Миртом общий язык. Он был нечистью. Не мутировавшим благодаря эликсирам человеком вроде меня, а рожденным по ту сторону осязаемой реальности злым духом. С его слов я понял, что он был кем-то вроде лесного хранителя. Свой истинный облик он никогда не показывал, предпочитая маску молодого человека. К людям де Мирт относился со злобой и презрительностью за многие их качества, но в основном за то, что они испытывали похмелье и бывали алчны и глупы. Жаловал он только дамочек. Во мне же он почуял надчеловеческую сущность, его привлек запах колдовского зелья, исходивший от меня. Со временем мы – так мне, по крайней мере, казалось тогда – крепко сдружились, лесной демон и молодой колдун.

Ох и задали жару мы этому бледному маленькому городу!!! Порой я не спал три ночи подряд. Было не до сна: меня пленяли адские развлечения – порок, горячительные напитки, жестокие забавы и розыгрыши.

У де Мирта, когда он проваливался в нетрезвый сомнамбулизм, глаза начинали отливать красным, а на восковом лбу проступали вены, которые несли темную кровь по его недоброму телу. Тогда я толкал его в плечо, чтобы разбудить, пока никто не заметил некоторых странностей в изменчивом облике моего демонического друга.

Однажды во время пирушки в южной смотровой башне он выпрыгнул в окно, сопровождаемый визгом одуревших от страха девушек. Пролетев камнем метров двадцать-тридцать и ударившись о твердую землю, он через некоторое время уже ворвался в притихший зал, и прервавшаяся было в связи с его безвременной кончиной пирушка возобновилась с прежней силой. Меня, кстати, как-то не слишком смущал тот факт, что мой друг – лесной демон. Я рос рядом с колдуньями и с самого детства привык к необычным существам и темному колдовству. К тому же если посмотреть в лицо фактам, я и сам был скорее нечистью, чем человеком.

Эта часть моей жизни навсегда останется в моей памяти, как самая веселая, может быть, нетрезвая и не в меру развратная, но оказавшая на меня очень большое влияние, необычайно раскрепостившая меня, научившая свободно выражать свои мысли и чувства. Пусть чаще всего я был слегка нетрезв, ложился спать каждую ночь с новой женщиной и пользовался своим даром колдовства исключительно для забавы, пожаловаться на что-нибудь или осудить себя за это я не в силах. Юные развлечения были столь важны для моего становления.

Однако по окончании этого славного времени, а точнее, ровно через год и месяц, меня отыскивали ведьмы. Они обнаружили и постоялый двор, куда я изредка заглядывал, чтобы переночевать...

Мы возвращаемся туда.

Голова разлюбезной хозяйки лежит в углу, грустно рассматривая меня ясными, но мертвыми глазами, а я ошарашенно замер на пороге.

– Жак, – на жестком лице Тересы сияла улыбка, – что-то ты поздно приходишь домой.

– Наш мальчик испортился. – Габи сидела в кресле.

Рядом застыла мрачная беловолосая Селена.

– Что же мы должны делать в этой ситуации, малыш? – спросила Тереса. – Видишь, мы нашли тебя.

Голова хозяйки, которую я все еще с ужасом рассматривал, вдруг подмигнула мне, и я вздрогнул. Это были их штучки, шутки, знакомые мне с детства. Габи расхохоталась – это она вызвала видение.

– Я предлагаю тебе добровольно вернуться, – сказала Тереса, – и завершить свое обучение. Ты славно отдохнул – пора заняться делом.

Я сделал несколько шагов назад и, резко развернувшись, прыгнул в дверной проем. Из гостиницы я выбежал со скоростью зайца, которого преследует несколько кровожадных лисиц. Лисица номер один появилась на пороге спустя мгновение. Ее рыжая грива вздыбилась и растрепалась, из зеленых глаз сыпались искры, а на милой мордашке написана была лютая ярость.

Я успел скрыться в ближайшем проулке, и знак, брошенный мне вслед, вцепился в стену одного из домов. Гулкое эхо удара едва не сшибло меня с ног. Я так спешил, что даже не заметил Ракрута де Мирта, направлявшегося в сторону постоянного двора. Мы столкнулись.

– Жак! – Он взял меня за локоть и рассмеялся. – Ты что, уже успел набраться?

– Меня преследуют, – выдохнул я, – и я очень спешу.

– Вот как, преследуют. – Де Мирт продолжал веселиться, ситуация явно забавляла его. – Кто? Хозяйка постоянного двора? Ты не заплатил за комнату?

– Или она вдруг вспылала к тебе искренней любовью? А может, это родители одной из соблазненных и покинутых тобою крошек?

– Ведьмы Ракрут, я многого тебе не говорил, но..

– А вот, кстати, и они. – Де Мирт смотрел куда-то за мое плечо, и я резко обернулся.

Ведьмы, всколыхнув прозрачный воздух, оказались совсем рядом. И Габи, и Тереса, и Селена. Глаза Габи метали молнии, Тереса выглядела вполне спокойной, а Селена даже немного растерянной.

– А они очень даже ничего, тебе повезло. И почему меня не преследуют такие красотки? – Ракрут де Мирт галантно поклонился. – Добрый день, дамы.

– Здрасьте, – нагло ответила Габи, – ты кто такой?

– Я – твой шанс весело провести вечер и ночь, – заметил де Мирт, и глаза его едва заметно блеснули.

– Ну-ну. – Габи смотрела только на меня. – Топай-ка отсюда, шанс, а то проводить тебе все ночи в одиночестве, в сырой могиле...

– Обожаю грубых женщин, – парировал Ракрут де Мирт, чем наконец обратил на себя ее внимание. – Я, знаете ли, проделываю с этими женщинами такое, что заставляет их делаться ласковыми и кроткими, будто молоденькие ягнята. Я ведь, знаете ли...

– Ну хватит! – резко оборвала его Тереса. – Либо ты исчезаешь, либо я заставлю тебя исчезнуть. Предупреждаю, что, скорее всего, по частям.

– Так вы все грубиянки! – с нескрываемой радостью выкрикнул Ракрут. – Любовный недуг, зачем ты терзаешь мое слабое сердце?! Ухожу, ухожу... – Он сделал вид, что испугался гримас, исказивших лица его собеседниц.

Ракрут сделал только шаг в сторону, а потом вырос на целый метр, плечи его стали шире, а лицо – печальнее плакучей ивы, серым, пепельным.

Я молчаливо наблюдал за разворачивающейся ссорой, только отступил немного в сторону, к домам: того и гляди, разгулявшись, они могут и меня зацепить.

– Милого друга ты себе нашел, мальчик, – трагическим голосом заметила Селена.

– Друзей не выбирают, – прорычал Ракрут, чьи ноги стали толстыми, словно стволы столетнего дуба, а руки налились силой и мощью. Тугие буфы мышц на его тонком теле продолжали стремительно вздуваться.

Габи и Тереса выглядели озадаченными.

– Сейчас мы посмотрим, из чего у него внутренности сделаны. – Габи решила больше не тратить время, она заверещала так, что ее голос резанул меня по барабанным перепонкам, и ринулась вперед, выставив перед собой растопыренную ладонь. Острые ногти направлены были прямо в горло де Мирта.

Ту сцену я неизменно вспоминаю со стыдом и содроганием. По прошествии многих лет мне все еще неприятно от осознания того, что я допустил такое. Все произошло мгновенно, и вряд ли я успел бы что-нибудь сделать, но стыд... он мне вообще-то несвойствен, но стыд... Наверное, для меня это всего лишь уловка, что я не мог ничего изменить. Вмешайся я, и, может быть, вся моя дальнейшая жизнь сложилась бы совершенно иначе...

Де Мирт сделал едва уловимое движение, и на внезапно потемневшем небе отчетливо проступили лилово-черные тона, а в воздухе запахло озоном. Габи вскинула голову и в ужасе замерла, не в силах пошевелиться – прямо над ней стремительно собирались грозовые тучи. На небе появился самый жуткий ее кошмар, реализовывалось все, чего она так долго боялась, страшная фобия оказалась реальностью. В следующее мгновение сверкнувшая молния угодила ей в левый бок. Габи отчаянно вскрикнула, но крик вышел булькающим и слабым. Затем она вздрогнула всем телом и повалилась на землю. При этом я отчетливо услышал, как хрустнула ее подогнувшаяся рука.

Все это время Ракрут де Мирт ни секунды не стоял на месте, он перемещался, поводя в воздухе своими толстыми и могучими руками, он выкрикивал заклятия и топал ногами.

У Селены, должно быть, онемела нижняя часть туловища, потому что она как мешок упала лицом вперед, выкрикивая страшные ругательства. Воспитывая меня, таких выражений она себе никогда не позволяла.

Тереса увернулась от направленной в нее парализующей волны и через мгновение сотворила земляной знак, кинув его в лесного демона. Но знак отразился от его ментального щита и поразил саму Тересу. Удар пришелся ведьме по голове, ее развернуло в воздухе, и она, потеряв сознание, осела на землю. На гладком лбу осталась рана, которая быстро наполнялась кровью.

– Ну вот, Жак, – де Мирт стал уменьшаться в размерах и вскоре обрел свои обычные формы, – мы можем отправляться в кабачок. Надеюсь, ты доволен?

– Вот дьявол, – прорычал я, не в силах сказать что-то еще, настолько меня поразила эта мгновенная и жестокая расправа, – что ты с ними сделал?!

– Они сами напросились, Жак. – Лицо Ракрута отразило крайнее недоумение. – И потом, они ведь преследовали тебя. Разве нет?

– Да, они преследовали меня, – я с безутешным видом опустил на колени возле Габи, она не дышала, и поднял ее хладеющую ладонь, чтобы согреть в своих руках, – но они же вырастили меня, они заботились обо мне целых десять лет. Хотя порой они и были жестоки, но я любил их...

Мне некстати вспомнился чердак с летучими мышами и бревно, парящее высоко над землей.

– Ах вот как, – безразлично откликнулся де Мирт, он попытался изобразить сожаление, но очевидно было, что он совсем не сожалеет о случившемся.

Он просто не понимал моего состояния. Такие качества, как привязанность, расположение, были чужды ему. Я в те времена еще испытывал эти чувства, поэтому его холодность

неприятно кольнула меня. Он принадлежал чужому миру, он был созданием нижних пределов, природа его чувств совершенно иная. Осознание этого факта вдруг приоткрыло мне глаза на нашу странную дружбу. Ему просто требовался симпатичный компаньон, который может развлечь его, пошутить удачно, когда это требуется. Он ссужал мне деньги на расходы подобно тому, как король платит жалованье своему шуту. Забавно. Шутю я больше быть не хотел.

Габи лежала без движения. Она была мертва. Весь ее правый бок был залит кровью. Тереса была без сознания. Селена наконец обрела возможность двигаться. Она прошептала проклятие, адресованное мне, щелкнула пальцами, и три ведьмы исчезли.

– Ну что, идем кутить? – спросил Ракрут де Мирт и рассмеялся, обнажив белые ровные зубы. – Они убрались... И наши разногласия тоже. А, Жак?

– Нет, – мрачно ответил я.

– Что?

– Нет, – повторил я, – извини, друг, но я уезжаю из этого города.

Я все еще называл его другом, но он им уже не был.

– Может, когда-нибудь заскочу к тебе в гости... – Тогда я не знал, что мои слова сбудутся.

– Как знаешь. – Ракрут де Мирт усмехнулся, развернулся и, насвистывая веселый мотив, быстро пошел вдоль домов.

Он так ни разу и не обернулся. Я смотрел, как он удаляется, и мне было грустно. Завершатся один из самых полных этапов моей жизни. Де Мирт вдруг скакнул в сторону и напугал грозным рыком толпу горожан, наблюдавших сиену расправы. С дикими криками они разбежались. До меня донесся хохот Рак-рута, а потом он свернул за угол и окончательно скрылся из виду.

Покинув город, где я познал истинное веселье и впервые ощутил аромат жизни, я некоторое время скитался по городам и селам. Побывал в Оссирисе, Вераноне, Лакимерии, недолго жил там при королевском дворе, потом перебрался на юг, успел поучаствовать в незначительном военном конфликте на стороне победителей, соблазнил жену министра культуры Коркирона и убил его на дуэли, выиграл в погер большое состояние и промотал его...

Я приобретал опыт, становился старше и чище помыслами... Последнее несколько преувеличено, но не важно...

О ведьмах известий больше не было. Наверное, Селена и Тереса постарались навсегда стереть меня из памяти, забыть о Черном Волчонке. Так называла меня Габи, и так уже никогда больше никто меня не назовет. Потому что я стал Черным Волком, высоким темноволосым мужчиной двадцати с лишним лет с крепкими мускулистыми руками и твердым уверенным взглядом.

Кошмар третий БОЛОТНЫЕ ДРОФЫ

Он так и сказал мне: «Жаба ты», а потом просто собрал вещи и ушел... Мерзавец... Ну я ему спокойно жить не дам... Я ему еще покажу... Все равно будет моим...

Подслушанный разговор двух женщин

... К стопам льнет лиловая глина. Если бы подошва моего левого сапога не отвалилась еще вчера, наверное, мне тяжело было бы поднимать ноги. А так ничего...

По правую руку в чащобе исчезает что-то похожее на зверину тропку.

Я люблю покой и упорядоченное существование. Я чертовски люблю покой и упорядоченное существование. Я дьявольски люблю покой и стабильность. Мне нравятся домашние плюшки с грогом, зажженный очаг, дощатый пол, запотевшие окна, милая нагая девушка под одеялом, которую я обнимаю за талию, глажу по твердому изгибу бедра, в то время как наши пальцы на ногах соприкасаются. Впрочем, это несколько личная сексуальная фантазия.

Сгодились бы и ведьма, лишь бы она была страстной, живой, разумеется, и в меру веселой. Я не в том смысле говорю «в меру», чтобы она не подняла меня на смех. Мне и самому палец в рот не клади – оттяпаю по самое предплечье, а в том смысле, чтобы не хохотала, как безумная, в постели, словно ее не приласкать хочешь, а развеселить. Ох и ненавижу я подобных баб, скажу я вам, а таких развеселых мне встречалось уже немало.

Во время военной кампании я познакомился с одной такой. Ей становилось смешно, когда солнце всходило над горизонтом, она безумно веселилась, когда закатные лучи окрашивали окрестности в красные тона, через пару недель нашего общения я уже начал подозревать ее в безумии, а когда через месяц окончательно утвердился в этой мысли, немедленно ее покинул. Думаю, она смеялась, когда поняла, что между нами все кончено.

Ход моих мыслей внезапно прервался. Я неудачно шагнул и провалился в болото по колено. Мой парадный костюм все равно уже было не отстирать и не спасти, но нога, а это была правая – моя любимая, была мне необычайно дорога. Я наступил на левую, чтобы, опершись на нее, вытянуть себя. Но она увязла следом за правой. Я ощутил, как промокают сапоги, или, вернее, то, что от них осталось, и штаны. Да уж, ощущение не из приятных, когда штаны промокают. Несколько дней меня мочил накрапывающий дождь, но должен отметить, что сверху мокнуть все же менее безрадостно, чем снизу.

Неприятности с одеждой, кстати, начались уже через час моего путешествия по лесу: я зацепился за острую еловую ветвь, и в силу своего взрывного темперамента рванулся, грязно при этом выругавшись. Результатом стала моя оголенная и разодранная спина, камзол, как, впрочем, и плащ, был безнадежно испорчен...

Все по-разному тратят свою молодость. Какой-нибудь сын богатого вельможи сейчас сидит в саду, овеваемый опахалами, окруженный заботливыми безотказными барышнями, а ваш покорный слуга тонет в болотах.

Впрочем, я сам виноват. Мне никогда не хотелось спокойной жизни. Я всегда грезил о ней, но всегда, вопреки моим мечтам, вел себя совершенно по-иному. Сколько раз я думал о том, что легко мог бы затесаться куда-нибудь в глухую деревушку и там вести скучную событиями жизнь. Нашел бы себе деревенскую красотку, руки у которой по локоть в навозе (сельская жизнь, натуральное хозяйство – ну, вы меня понимаете), наладил бы отношения с ее многочисленной родней, может, даже поколотил бы самого задиристого из братьев, женился бы на ней, справил обряд по местным обычаям и зажил в меру счастливо. По мере продвижения по лесу я все больше склонялся к мысли, что именно так мне и следовало поступить.

Но для начала следовало выбраться из этой глуши и этого Топкого болота. Унывать я не был расположен. Тогда я еще не предполагал, что это болото – лишь начало уготованного мне высшими силами длинного, кишашего опасностями пути.

В конце концов, бывало и похуже. Взять хотя бы тот неприятный случай, произошедший в Танжере. Я познакомился с тремя милыми девочками. В квартирке у одной из них мы здорово выпили и стали играть в карты на раздевание. В погер. Нужно ли упоминать о том, что в погер я играю превосходно. Ведь меня учила погерному искусству сама Селена. Конечно, я начал нещадно проигрывать. Раздевался. Скидывал с себя вещицу за вещицей, уже предвкушая замечательную оргию со всеми тремя. Когда я проигрался до трусов и настала пора их снимать, они все хором принялись упрашивать меня: «Не надо! Не надо!». Но я не стал их слушать. Проиграл – расплачивайся! Ненавижу нечистоплотность, бесчестность, которая так свойственна человеческой натуре! Но не мне. Я ловко скинул трусы.

И в этот великолепный момент моего триумфального разоблачения в комнату ворвался папаша одной из них, начальник охраны ломбарда между прочим. О чем я узнал из его яростных воплей: «В то время как я сторожу ломбард!!!» и так далее... Первым делом он отвесил звонкую затрепину своей замечательной дочери...

Не хочу вспоминать подробности этой неприятной истории. Тем более что неприятной она была для всех...

Правильно все же говорят, что беда не приходит одна, и неприятности следуют одна за другой, дышат друг другу в спину. Станешь припоминать – и непременно случится что-нибудь ужасное.

Плюх-х. Я постарался выбраться, дернулся и провалился уже по пояс. Теперь мне было не до воспоминаний.

– Эй, кто-нибудь!!! – бешено заорал я. – Эй, ну хоть кто-нибудь, помогите, я тону!!!

Сначала никто не откликнулся, но потом, разбросав длинными когтистыми лапами колючий кустарник, преграждавший ей путь, на болотную кочку выбралась дрофа. Об этих существах я читал в специализированной книге ведьм, посвященной фауне и диковинным существам, там также подробно рассказывалось обо всех разновидностях живой и мертвой нечисти, существующей на земле.

Дрофа уселась на корточки и смотрела на меня бессмысленными маленькими глазками, поглаживая свои незрелые груди шаловливыми пальцами.

Дроф чрезвычайно возбуждали человеческие особи мужского пола. Для меня она, конечно, не имела никакой половой привлекательности. Да в такой ситуации, черт возьми, для меня никто не имел половой привлекательности!!!

– Слушай, дрофа, найди мне какую-нибудь палку, вытащи меня из болота, – попросил я, – даже двинуться не могу.

– Ах-ха-ха, – ответила она.

Дрофы непроходимо тупы – мне это было тоже известно из книги. Я просто не ожидал, что до такой степени. А может, это была душевнобольная дрофа? Душевнобольная настолько, что не умела связать два слова?

– Слушай, ну что ты хочешь, я все сделаю, честное слово, все!!! Чего тебе надо, дрофа, а, дрофа? – взмолился я.

Она тихонько застонала, продолжая безотрывно смотреть на меня. Черный язычок облизал твердые губы, ее огромный рот слегка приоткрылся, издавая звуки, более всего напоминающие воркование.

– Какая ты красавица, – проговорил я, поморщившись.

Она была жутко уродлива, но следовало применить тактику обольщения, лъстивого заигрывания с ней, если я хотел выбраться из этого болота живым, если я вообще хотел выбраться из этого болота.

На ее сморщенном коричневатом лбу появились отчетливые капли пота, которые покапались к широкой переносице. Она протянула пальцы и дотронулась до моего лица, от восторга закатив свои глаза. Я испугался, что сейчас она, чего доброго, грохнется в сладострастный обморок, а когда придет в себя, обо мне будут напоминать только всплывающие по мере того, как все мои естественные полости будут заполняться грязевыми отложениями на поверхности черной жижи пузырьки. Сквозь поры кожи эта субстанция будет просачиваться, прорастать сквозь меня, в конце концов, я и сам сделаюсь зеленоватым болотом...

Я испугался подобной перспективы, охнул и яростно рванул вверх, но в моем положении все потуги выбраться были напрасными. Попытки воспользоваться левитацией тоже окажутся бесполезны – ведь каждому известно, что вес поднимаемых предметов прямо пропорционален весу давления на субстрат субъекта, совершающего действия. Другими словами, для левитации я должен был стоять на твердой поверхности.

– Прощай, глупая дура, – сказал я печально, стараясь припомнить еще что –нибудь из своего не слишком богатого магического арсенала.

В этой ситуации все мои заклятия ни к чему. Можно было, конечно, разбросать тут знаки или вызвать огненный шар, но к чему бы это привело? Ни к чему... Можно еще долбануть каким-нибудь знаком эту идиотку, чтобы развлечься напоследок, но мне почему-то было ее даже немного жаль... Добросердечие долгое время оставалось самым страшным моим пороком.

Дрофа вдруг заторопилась – неужели начала соображать? – бросилась куда-то, вернулась с сучковатой дубиной и протянула ее мне, а потом принялась тянуть мое увязшее тело – а ее интересовало именно оно – из тягучего небытия.

Вскоре я смог добраться до относительно твердой кочки и поднялся на ноги, задумчиво рассматривая свою чудовищную спасительницу. Она сидела на коленях, преданно глядя на меня. Останься у меня хоть крупица совести, я должен был бы благодарно удовлетворить ее развратные желания и отправиться дальше с отвращением и чувством выполненного долга, но для меня совесть – понятие довольно относительное. Я воспринимаю ее как совершенно одушевленное существо, живущее внутри меня, с которым можно поспорить и даже вступить в сговор.

Поэтому я с большой приязнью проговорил: – Спасибо тебе, моя прелесть! – и поспешно устремился прочь, стараясь попадать на сухие места. Настырная дрофа, однако, не теряла надежды и преследовала вашего покорного слугу. Она даже верещала что-то совсем по-бабьи, должно быть, осерчала. Я остановился:

– Знаешь что, дорогая, отстань, а?

Она замерла, покачиваясь на своих широченных ступнях-ластах. Потом обиженно вскрикнула и скрылась в лесу.

– Ну наконец-то, – выдохнул я и отправился дальше, тихонько насвистывая.

Болотистые места заканчивались. Я выбирался на сухие звериные тропки. Мой желудок требовал пищи, и потому я стал отыскивать съедобные корешки. Благо колдуньи в свое время научили меня ориентироваться по звездам, мхам, лишайникам и находить пищу в самых неожиданных местах. Я разжег небольшой костерок, использовав пламя, извлеченное из правой ладони, погрелся возле огня, высушил остатки сапог и грязные, запачканные в болотной жиже штаны. Корешки оказались довольно вкусными. В тех местах, где я рос, они были суше и жестче. Эти же, сочные и наполненные сладковатым вкусом, приятно хрустели на зубах.

Я уже было собирался отправиться дальше, как вдруг меня охватило стойкое ощущение, что сквозь ветки, слева, меня кто-то пристально разглядывает. Я стал всматриваться в лесной пейзаж и почти мгновенно различил смутные перемещающиеся очертания. Затем они сложились в трех дроф, притаившихся возле тропинки. Им казалось, что я их не вижу. Несмотря на тупую самоуверенность и почти полное отсутствие разума, двигались они весьма осторожно.

Три – это уже вполне серьезно. Я не мог различить, присутствовала ли среди них моя спасительница, для меня они все были на одно лицо – с маленькими глазками на темном лице и широкими, обтянутыми влажной кожей скулами, – но я мог бы поспорить, что это она их привела.

Я покашлял. Позади зашелестели кусты. Уже предчувствуя неприятности, я обернулся... Их было около десятка. Они обступали меня полукругом, кивая головами и постанывая.

– Ну все, приплыли. – Я вздрогнул, представив себе жутчайшую сцену изнасилования.

Сейчас они станут рвать мою одежду и беспорядочно полосовать такое родное моему сердцу мое же тело неровными звериными когтями. Потом каждая будет стараться приложиться к моим губам смрадным своим ртом. Они будут ложиться на меня сверху, держать меня и тереться маленькой обвислой грудью о мой упругий молодой живот...

Тут я поступил несколько не по-мужски. Не слишком галантно саданув одну из вождевших меня «дам» ногой в бок, а на другую обрушив сокрушительный удар кулака, я победил... Все быстрее и быстрее... Запнулся, ожидая, что сейчас мне прыгнут на спину, и снова прибавил шагу.

Они замерли на секунду – не ожидали такого мгновенного сопротивления, а потом стремительно помчались за мной, прыгая с угрожающим верещанием по ветвям над моей головой, – их задние конечности позволяли им совершать гигантские трехметровые скачки. Вот уж не ждал от них такой прыти. Одна попыталась зацепить мою ногу, но я лягнул ее и сменил направление бега. Промчавшись через маленькую полянку, я швырнул несколько знаков, они раскинулись густой сетью по траве и задержали преследовательниц. Потом я то ли скатился, то ли рухнул в неглубокий овраг, поскользнулся и приземлился локтями в ключевой ручеек. Холодная вода освежила меня. Я осмотрелся. Похоже, погоня отстала, или они меня просто потеряли.

Но расслабляться было рановато.

Оставалось только пожалеть, что я потерял охранительный амулет от разноплеменной нечисти, и в том числе от дроф, купленный мною в Бере. Не знаю, работал ли он, но уж очень был симпатичным, блестящим и так привлекательно болтался на моей шее. А вы бы не потеряли его? Мы выпили три бочонка эля с двумя замечательно веселыми ребятами из самого Веспера. Ох и интересных же вещей они мне порассказали!

Если меня пытаются чем-то сразить, я сражаю его в ответ. Но чаще меня пытаются ввести в заблуждение. Среди посетителей кабачков такое количество людей, которым неплохо бы язык пришить к небу!!! Нередко трудно отличить правду от вымысла. По совету этих двух «замечательно веселых» людей я направился на северо-запад и должен был, по их словам, попасть в огромный, неописуемо богатый город... Вы видите, куда завела меня доверчивость?!

Я огляделся. Одно из моих внутренних правил гласит: «Тщательно осмотрись, прежде чем совершить что-либо предосудительное». На сей раз я не собирался совершать ничего предосудительного, а просто желал спасти собственную шкуру, но осмотрительность в данной ситуации никак не мешала. Присутствия дроф я не заметил. Кустарник не шелестел. Птицы завели свою обычную перекличку, деревья тихо поскрипывали, раскачиваемые могучими ладонями лесного ветра, а по небу, которое просвечивало среди зеленой листвы, медленно плыли тяжелые свинцовые тучи.

На всякий случай я громко выкрикнул: «Эй, кто тут?» – и запустил во все четыре стороны великолепные карающие знаки. Один из них ударился в ствол соседней сосны и раздробил его. Дерево с хрустом рухнуло, ломая кустарник. «Вот так-то! Знай наших!» – проворчал я и пошел вдоль русла ручья дальше по оврагу, который становился все менее глубоким, пока не исчез совсем.

Мне вдруг показалось, что неподалеку кто-то тихо нашептывает. Я резко обернулся, но голос затих. Сколько я ни всматривался в окружающую густую растительность, обнаружить мне так никого и не удалось.

Еще некоторое время я шел на север, а потом свернул к западу, потому что у меня снова возникла устойчивая слуховая галлюцинация, будто кто-то шепчет неподалеку. Я никогда не был склонен подозревать в себе психические отклонения, но в этом лесу явно происходило нечто очень и очень странное, либо сказалось тяжелое детство и я все же начал сходить с ума.

Шепот переместился к западу, я вновь сменил направление и пошел на север. Я и предположить не мог, что меня заманивают в ловушку.

Вскоре показалась пустынная прогалина. Здесь деревья были повалены ураганом или чем-то еще, что было уже не столь легко объяснимо. Стволы их были сломаны в нескольких местах. Это показалось мне странным, тем более что ураган пощадил окружающий лес, создав плешь лишь в самом его центре. У особой мужского пола ближе к пятидесяти такое безобразие на голове встречается повсеместно, но в самом центре довольно глухого леса уничтожение растительности очень сильно меня взволновало. Кто тот гигантский брадобрей, избравший себе довольно неблагодарное занятие причесывать лесные кущи? Вскоре мне суждено было узнать, что здесь орудовала целая толпа сексуально озабоченных парикмахерш.

Как только я сделал несколько шагов и перепрыгнул один из стволов, послышалось дикое улюлюканье, свист и протяжные вопли. Скрытые ранее травой и листьями дрофы выпрыгивали прямо из-под земли, слетали с деревьев, появлялись так внезапно, словно ткались из воздуха – их было не меньше сотни.

Я опешил, кинулся было назад, но был мгновенно схвачен. Руки мне заломили и скрутили за спиной тонкой веревкой, больше похожей на ветви гибкого кустарника. Как они догадались, что источник моей силы находится именно в пальцах, оставалось загадкой. Дрофы распростерли меня на земле, разрывая одежду.

После чего с моим телом они устроили настоящую вакханалию, заливаясь слезами и исходя сладострастными стонами... Не хочу рассказывать подробности этих часов, вам придется поверить, что они были поистине ужасны... Не будь я привычен к таким упражнениям, я мог бы запросто лишиться одной из самых важных частей моего тела... Хорошо, что многочасовые тренировки при дворе позволили мне вынести все эти безобразия без существенного ущерба для здоровья и психики...

Затем, изнасилованного, располованного ножами когтей, меня швырнули в одну из многочисленных нор и потащили куда-то вниз, ударяя головой обо все уступы и корни, какие только встречались на пути.

Все окончилось мгновенно: я рухнул в темную нору, а сверху дрофы забросали выход травой, ветками и разрыхленной землей, плотно укрепив его снаружи тяжелыми валунами. Наступила крошечная подземная тьма.

Изнасилованный и израненный, я осторожно пошевелился. Жгучая боль ощущалась во всем теле но в особенности в натертом дрофами детородном органе. Как бы они там ничего не повредили, подумал я, ведь он мне еще пригодится.

– Эй, – вдруг окликнул меня кто-то тихим шепотом, так что я вздрогнул от неожиданности, – тут что, еще кто-нибудь есть?

– Ты кто такой? – дрожащим голосом поинтересовался я.

– Уже не знаю, – откликнулся незнакомец.

– Как это не знаешь?

– Вот так. Когда-то меня звали... Как же меня звали? Нет, не вспомню, пожалуй.

– Вот черт! – не сдержался и выкрикнул я, – чувства мои были сильно обострены после того, как меня изнасиловала толпа болотных дроф.

– Да ты не волнуйся, хм. – Судя по звуку, незнакомец ухмыльнулся. – Это только сначала все кажется страшным, а потом... Единственное, они могут увлечься – ну и тогда... До тебя тут был Дори, так его до смерти... Мда... А вообще-то Дори молоток, он тут дольше всех прожил. Лет десять, так он говорил.

– Лет десять?! – в ужасе вскричал я.

– Да не волнуйся ты так, какой-то ты нервный, тут на самом деле неплохо, и к темноте привыкаешь постепенно, кормят хорошо...

Мой новый знакомый начинал угнетать меня мутной апатичностью суждений и тем, что за давностью лет, проведенных среди дроф, позабыл о себе почти все, даже свое имя.

Не хотел бы я забыть свое имя. Б-р-р-р. Ну и жуть...

Мы посидели еще некоторое время в тишине, а потом он неожиданно закричал:

– Вспомнил, вот черт, вспомнил! Меня Переном зовут. Я – Перен. У меня и прозвище имеется. Давай меня друзья звали...

После этого откровения в нашем диалоге наступила пауза, потому что я не знал, что сказать. Потом выдавил из себя:

– Жак... Это мое имя.

– Тебя сначала, – заметил Перен, еще немного помолчав, – дадут их главной попробовать, а потом будешь уже каждый день трудиться... напряженно. А кормят тут неплохо...

Про еду он упомянул второй раз – похоже, проголодался. Я сплюнул и, видимо, так удачно, что попал точно в Перена, потому что он что-то обеспокоенно заворчал.

Я попытался развязать веревки, но безуспешно.

– Слушай, может, поможешь мне руки развязать? – сказал я.

– Они связали тебе руки? – удивился Давай. – Надо же, обычно они этого не делают с новичками...

– Со мной сделали, так ты поможешь?

– Не знаю, имеет ли это смысл, – апатично заметил он.

– Имеет, – рявкнул я, – ты даже не знаешь какой...

– Хорошо-хорошо, – согласился Перен. Он с тихим шелестом пошевелился, а потом пополз ко мне – я смог различить это по звуку, его колени разгребали попавшую в яму листву. Около часа он бился над веревками дроф, но узел не поддавался.

– Было бы что-нибудь острое, – сказал Перен, – знаешь, когда-то я знал отличное заклятие избавления от пут, но за ненужностью со временем, ну, в общем, понимаешь, я ведь ни черта не помню...

Руки у меня затекли, все тело болело, и настроение приобрело оттенок загустевшей сворачивающейся крови...

– Надо выбираться отсюда, – сказал я.

– Это вряд ли... – апатично заметил мой собеседник, – когда-нибудь, когда они увлекутся, выберешься.

Мне показалось или он опять усмехнулся?

По моим расчетам, через три или четыре часа мрачного сидения в норе дроф землю и листья раскидали привычными к этому занятию лапами, и к нам с Переном нагрянули ошалелые звероподобные «дамы». Я отчаянно отбивался, кусался, лягал их ногами, но нападение было стремительным. Со связанными запястьями я оказался бессилен. Меня вновь, как и совсем недавно, поволокли по тоннелям и вытащили к свету. После нескольких часов крошечной тьмы я буквально ослеп.

Перена унесли за рошу раскидистых дубов несколько десятков дроф, а меня обступила толпа мерзких созданий, и три представительницы этого отвратительного и глубоко ненавистного мне народа приблизились, сбили меня с ног и швырнули на траву.

Лужайку заливало яркое теплое солнце. Дрофы расселись кругом и принялись поглаживать свои животы, их длинные ладошки то и дело соскальзывали ниже, и тогда они издавали протяжные стоны...

Что-то в воздухе давало мне понять, что ничего хорошего в ближайшее время со мной не произойдет.

Я бешено пытался освободиться, катался по земле, силясь разорвать крепкие веревки, стягивавшие мои запястья. Как вдруг с ветвей над моей головой послышался едва уловимый шелест. Я задрал подбородок, чтобы рассмотреть, что там происходит. И увидел, как ловко прыгает по сучковатым толстым ветвям огромная зеленовато-желтая дрофа. Таких крупных особей мне видеть еще не приходилось. Она спрыгнула на землю, пружинисто присела, потом повела носом, словно принюхивалась, и уставилась на меня маленькими, но вполне осмысленными глазками.

Другие дрофы, тихонько постанывая, склонив свои недалекие бородавчатые головы, разошлись еще дальше в стороны. В центре поляны остались только я и крупная дрофа, которая, судя по всему, и была у них «королевой». Перен предупреждал меня о том, что мне предстоит с ней встретиться. Помнится, он упоминал, что сначала я должен буду развлечь королеву, а потом уже меня отдадут на поругание стае.

– Мой дружок, – внятно проговорила она, заставив меня содрогнуться от ужаса: эта дрофа оказалась разумной, она владела человеческой речью. Вкупе с ее кошмарной внешностью это производило поистине удручающее впечатление.

Насколько я мог судить, она была уже немолода, и даже по дрофиным понятиям ее вряд ли можно было назвать красивой, даже просто миловидной, но было в ней что-то такое, что заставило меня оцепенеть и уставиться на нее во все глаза. Ибо она не была обыкновенной похотливой и тупой тварью, шарящей по болотам в поисках пищи и наслаждений. Нет. Она была сторонним существом, чуждым любому сходному с человеческим разуму, она внушала мне – на какую-то долю все же человеку – не просто неприязнь и отвращение, она внушала мне священный ужас. И с ней я должен был близко познакомиться!!!

– Постой-ка, ты разговариваешь? – Лучшее, что я нашелся произнести в этой ситуации...

– ... Разговариваешь. – Ее реакция на слова была несколько замедленной, ответ приходил следом за сменявшимся выражением морды – лицом эту физиономию назвать представлялось затруднительным.

– На том же наречии, что и я, – сказал я.

– На том наречии, что и я, – подтвердила королева дроф и закивала.

Ей, может быть, и хотелось со мной поговорить, но ее кипучая натура звала ее в бой. Все дрофы мучились одним и тем же жестоким недугом: недугом постоянного сексуального желания.

– Мой дружок, – опять сказала она, темным языком проводя по широким губам.

Интересно, где она научилась такому обращению. Может быть, ее звал «дружочком» Дори, которому удалось продержаться дольше остальных, или кто-нибудь еще из несчастных пленников, потерявших жизнь в бесконечных сексуальных упражнениях с этими кошмарными тварями. Руки мои были связаны, и, когда пахнувшая болотом, нисколько не женственная туша рухнула рядом, я содрогнулся, но ничего не мог поделать.

– Мой дружо-о-о-очек, – запричитала сладострастная тварь, обхватив меня сильными лапами и стараясь прижаться своим животом к моему, я же изо всех сил пытался избежать этого неприятного соприкосновения.

Но она была крупнее меня и физически намного сильнее. Ее ладони шарили по моей спине, а когти резали одежду, и без того уже превращенную в безобразные лохмотья.

Я вспомнил свой парадный костюм в тот день, когда забрал его у портного и надел в первый раз, и от досады у меня заколотилось сердце... Всего какие-то две недели назад я свер-

кал великолепной выправкой на королевском балу и, элегантно заложив левую руку, правой держал за локоть и вел в танце красивейшую из женщин Паквилона – она принадлежала мне и только мне, – а теперь меня обхватывает лапами сладострастное бурое существо, пахнущее болотом, а рваные лоскуты одежды ничем не напоминают богатое платье, сшитое по случаю придворного бала...

И все же боги благоволили ко мне. Я убедился в этом в тот злополучный день, как убеждался многократно позже. Одним из когтей, движение которых она уже не могла контролировать, дрофа полоснула по веревке, стягивающей мои запястья, и та лопнула с характерным хлопком. Мои запястья, уже успевшие посинеть, внезапно оказались свободны, я вздрогнул всем телом и замер, опасаясь пошевелиться, чтобы не выдать своей радости. Дрофа, сотрясаемая спазмами яростного желания, не заметила происшедшего. Думаю, если бы она увидела, что мои опасные руки больше не связаны, она бы немедленно кинулась прочь, потому что только она одна могла додуматься до того, чтобы отдать приказ скрутить мне руки. Только она могла проследить столь сложную причинно-следственную связь и понять, что огонь и огненные знаки являются следствием действий, выполнявшихся моими ловкими руками.

Я потерпел ее навязчивое присутствие еще пару секунд, пока в мои посиневшие ладони возвращалась жизнь, а потом выбросил перед собой ладонь. Я совершал мгновенные и быстрые движения гибкими пальцами. Реакция дрофы была поистине удивительной. Через краткий миг оцепенения она пришла в себя, сбросила пелену сладострастия и вскочила на ноги. Королева дроф бешено заверещала, созывая стаю. Вырвавшийся из моих пальцев знак с силой ударил ее чуть выше ступней так, что она сделала в воздухе сальто, врезалась лицом в землю и ушла в мягкий дерн по самые слуховые отверстия. Ноги ее согнулись в коленях, и пятки сильно шлепнули по темному упругому заду. Насколько я смог заметить, больше она уже не шевелилась.

Дрофы принялись прыгать вокруг и вопить, в ужасе прикрывая поганые рты ладонями, совсем как это делают женщины, когда они чем-то ошарашены.

Не желая навлекать на себя новые неприятности, я стремительно побежал к деревьям, за которые утащили Перена по прозвищу Давай, разбрасывая вокруг себя огненные знаки. Пару раз они даже попали в цель: до меня донесся вопль пораженной жертвы.

Перепрыгнув несколько поваленных стволов, я выбрался на полянку, поросшую кустистым папоротником, где моему взору предстала отвратительная сцена с участием Перена и нескольких дроф. Остальные сидели полукругом, поглаживали низ живота, и утробно урчали от удовольствия. Я разрушил сложившийся порядок, когда вызвал метеоритный дождь. Целый град огненных знаков посыпался с неба, наполнив все вокруг свистом, грохотом и раскатами небольших взрывов. Один из знаков упал рядом с Переном и слегка оглушил его. На бегу я поймал узника дроф, который собирался завалиться, за локоть и потащил прочь. Он не сразу сообразил, что от него требуется, но потом его ноги стали различать неровности почвы, он прибавил шагу, и мы понеслись прочь с хорошей, все увеличивающейся скоростью.

Выглядели мы в этот момент крайне колоритно. Двое в изорванной в клочья одежде бегущие через лес. Мы ломались сквозь густой кустарник, перепрыгивали стволы поваленных деревьев и муравьиные кучи, спотыкались, падали, вскакивали и бежали дальше. Перену было немного проще, он по крайней мере был цел, а у меня все тело болело, кровоточили длинные рубцы, зудели мелкие порезы, кошмарно болела ушибленная голова. То, что Перен не страдает так, как я, вызывало у меня приступы жгучей ярости. К тому же мне казалось, что он бежит недостаточно быстро и задерживает наше продвижение к спасению – наверное, он не слишком горел желанием выбраться.

Должно быть, за годы, проведенные у болотных дев – если этих тварей можно было так назвать, – он превратился в настоящего дрофоизвращенца. Я, конечно, вытащил его из беды,

но поклялся себе, что при первых же признаках человеческого жилья избавлюсь от подобного спутника.

Позади слышался шум погони. Голоса дроф, их чудовищные вопли и завывания все нарастали. Шелест и топот сделались отчетливее. Как мы ни старались бежать быстрее, нас все равно нагоняли. Звуковые волны, выпускаемые преследовательницами, накатывали и заставляли сердце леденеть, а кровь останавливаться в жилах. Необходимо было что-то предпринять. После того что я сотворил с их королевой, они вряд ли пощадят нас.

Впереди замаячило что-то, смутно напоминающее холм. Лианы прикрывали вход в темную пещеру. Погоня была все ближе. Я крикнул Перену, чтобы он сворачивал в пещеру. Мы проскользнули сквозь лианы и оказались в полумраке. Вход я плотно забил охранительным знаком, который должен был раствориться спустя двадцать часов, зажег заклятие факела и в изнеможении упал на каменистый пол. Перен по прозвищу Давай, тяжело дыша, уселся рядом. Визжащие в голос дрофы мгновенно заполнили все пространство вокруг холма. Я видел множество бурых тел сквозь прозрачное тело охранительного знака. Они обжигались о его огненное основание и, ужаленные, отскакивали назад. Судя по всему, там их собрались целые толпы. И они все продолжали и продолжали прибывать.

Я решил осмотреться. По крайней мере спешить нам теперь было некуда. Я поднял руку, и к потолку медленно поплыл магический факел. Осветившаяся пещера открыла нашим взорам удивительное зрелище – коричневые, облепленные зеленоватой тиной сосуды. Их наполняла прозрачная, пропускающая лучи света влага. Внутри теплилась жизнь. Молодые дрофы спешили развиваться в полноценные особи женского пола. Сосудов было не меньше двухсот, и они заполняли почти все пространство пещеры.

– Вот это да! – сказал Перен. Оказывается, что-то еще могло его удивить. – Это что такое? – спросил он и принялся ощупывать один из продолговатых со – судов... – Что это, черт возьми, такое? Это что, кладка их яиц?

– Это коконы, – ответил я, – я читал о чем-то подобном...

– Кокон? – Перен с силой ударил один из сосудов, так что тот качнулся.

Под воздействием материнского инстинкта дрофы бились в постепенно остывающий знак, скребли его острыми когтями – представляю, насколько это было горячо, – и сходили с ума от ярости, но до нас им было не добраться.

Наверное, до моего появления они думали, что в этой части леса они полновластные хозяева, им некого опасаться, они давным-давно уничтожили всю живность. Кажется, у биологов это называется доминирующим видом.

– Слушай, давно хотел спросить, а кто ты такой? – спросил Перен.

– Я? – для значительности я немного покашлял. – Черный Жак.

– Ты ведь колдун, Жак. не так ли?

– Точно, – ответил я, – и сила моя вот здесь.

Я медленно поднял ладони и покрутил пальцами перед его лицом, демонстрируя, как отсвечивает черным магическая сила, скрытая в них.

– Так вот почему они связали твои руки. Но раз ты колдун, Жак, тогда я спокоен, уж ты-то придумаешь, как нам выбраться из этой пещеры. Колдуны вечно что-нибудь придумывают. – Перен усмехнулся и улегся на пол: – Пожалуй, я немного вздремну. Устал что-то...

Даже перед лицом смертельной опасности он выбирал бездействие, перекладывая право спасти наши жизни на меня.

И я действительно придумал. Идея моя была проста и чудовищна. Должен заметить, я никогда не отличался добротой, жестокость и хитрость были мне свойственны с самого детства, но тогда я превзошел самого себя. Впоследствии мне суждено было узнать, почему эти качества

оказались настолько стойкими в моей развивающейся натуре... И план избавления от дроф, внезапно пришедший мне в голову, был частью моей истинной сущности.

Пожалуй, за всю историю своего существования в лесу дрофы никогда не встречали столь страшного для них существа, как я. Если бы они могли слагать мифы, наверное, в этих мифах я назывался бы главным духом зла. А этот день они нарекли бы днем Страшного суда. Их основной ошибкой стало то, что встали на моем пути, когда я всего лишь пытался пройти через их земли. Не знаю, чем еще можно объяснить эту дикую идею, посетившую мою голову, не знаю, как оправдать себя... Наверное, я был чрезвычайно раздражен изнасилованием, наверное, я, как всякая жертва, ненавидел своих мучителей.

Как бы то ни было, но я принял решение поджечь пещеру. Расчет мой был простым и верным. Огненное озеро, которое я немедленно запалил, должно было пылать, не переставая, целых десять часов.

Перен вскочил на ноги, оставив всякие мысли о сне.

– Эй, – закричал он, – ты что? Решил спалить нас живьем?

– Нет, – ответил я, – я решил подпалить коконы.

Затем я ударил в земляную насыпь могучим знаком и проделал в холме новый выход, мы бросились бежать, а за нами из холма вырвался длинный язык пламени и полетели снопы жалящих искр.

Дрофы совершенно потеряли голову, они позабыли про нас, спасая своих драгоценных детенышей. Одна или две из них попытались нас схватить, но потом они заметили, что внутри холма происходит нечто жуткое, их тонкий нюх уловил запах горелой тины, и им стало уже не до нас. Движимые материнским инстинктом, они бросались прямо в полыхающее пространство пещеры, силились вытащить тяжелые коконы наружу, но те не пролезали. Часть моей дьявольской фантазии подсказала мне сделать выход недостаточно большим, такими, чтобы сосуды с детенышами невозможно было извлечь. Я бежал и бешено хохотал, по моему запачканному сажей лицу струился пот, оставляя белые дорожки. Насколько же сладким может быть чувство удовлетворенной мести! Дрофы сгорали внутри заживо, но не могли дойти своим незрелым разумом, что пытаться спасти зародышей бесполезно. Думаю, их борьба с вездесущим и неугасимым огнем продолжалась еще очень долго, пока не догорели все до единого коконы.

Если бы со стаей была их разумная королева, может быть, нам и не удалось бы удрать, но королеву я убил... Тело лишилось головы...

Пока они пытались спасти свое отвратительное потомство, мы убежали уже очень далеко, миновали бурелом, долго бежали через глухой лес, продирались сквозь колючий кустарник – я все время опасался услышать погоню, – и добрались наконец до мест, где не ощущался даже запах болота. По сухой земле, двигаясь неуклонно на северо-запад, мы вскоре выбрались на узкую звериную тропку. К этому моменту мы оба буквально падали от усталости. Причем плотный Перен так выдохся, что опирался на меня, и я тащил «болотного извращенца», спасая его никчемную жизнь...

Кошмар четвертый ПРОРОК ЛАТУНИЙ ЧЕТЫРНЕРИЙ

*Элли плакала и просила у лодоеда пощады, но он не слушал и
продолжал точить нож*

«Клинк клинк клинк»

Александр Волков Волшебник Изумрудного города

Ближе к вечеру тропинка немного расширилась и вывела нас к красочному домику с резным низеньким забором по периметру. Постройка настолько не вписывалась в окружающую нас атмосферу паранойи и настигающей адской погони – мы пребывали в этом состоянии долгие часы, – что я потер глаза, вообразив, что избушка и резной заборчик мне просто привиделись.

Уже начинало темнеть, нам нужно было устроиться где-нибудь на ночлег. Особенно страдал я (Перен был привычен ко всему, он многие годы провел в норе, ночуя на куче прелых листьев). К тому же дрофы почти наверняка шли по нашему следу – нам просто необходимы были укрытие и защита.

На двери избушки прикреплена была жестяная табличка «Здесь живет „п (р)прок“». Именно так. Буква „р“ написана в круглых скобочках. Если здесь живет пророк, заходить что-то не очень хотелось. Знаю я этих пророков: начнет вещать, верещать своим сипловатым натруженным баритоном, привыкшим перекрикивать шумливую паству и читать проповеди на базарных площадях. А вот если „порок“ – тогда совсем другое дело. В этом случае мы нашли подходящее для меня во всех отношениях место. Вопрос, ждущий ответа: откуда подобное местечко взялось в лесной глухомани? Впрочем, весьма вероятно, что, пока мы бежали через лесные кущи, боги направили наши стопы в нужном направлении. В конце концов, мы отмахали достаточное количество миль, чтобы наконец выбраться к следам цивилизации, и вот пожалуйста, первый ее предвестник – „порок“. Как символично.

С правой стороны от двери висел медный гонг с красочным молоточком – деревянную ручку украшали красные узоры. Зачесались руки, и появилось острое желание спереть молоточек, но я подавил в себе это паскудное чувство. Поскольку папаша мой плохо кончил, я всегда помнил о его судьбе и подавлял в себе эти гнусные, генетического свойства порывы.

Перену же, видно, было нечего терять. А может, у него вообще не было отца, который своим негативным примером мог преподать отпрыску положительный урок. Он ловко открутил молоточек и спрятал в лохмотьях. При этом болотный извращенец зацепил гонг, послышался густой и очень приятный звук: «Бу-ум».

– Повесь молоток на место, – потребовал я.

– Чего это? – Перен нахально усмехнулся. – Он мне пригодится.

– Это первый дом, который нам встретился, а ты уже успел ограбить хозяев.

– Всего-то молоток, не обеднеют, к тому же нам он нужнее... Нам пригодится оружие, еще неизвестно, кто там живет. Может, кто-нибудь жуткий...

С тех пор как мы выбрались от насильниц, мой спутник заметно оживился, его равнодушное молчание вдруг сменилось изрядной говорливостью, похоже, он приходил в себя, обретал второе рождение, меня же мучило острое чувство голода и неприязни к проклятому дрофоизвращенцу, каким мне казался этот преотвратительный Перен. Фигурка у него была довольно плотная, имелось даже отвислое брюшко, просвечивавшее белым через драную рубаху. Телосложение пленника указывало на то, что дрофы его совсем не обижали, а наоборот – лелеяли и превозносили.

Когда я проанализировал физическое состояние Перена и его функциональные позиции внутри единого сообщества дроф, мне неожиданно стало неприятно, что он так жестоко поступил с ними. Мне, понятное дело, была отвратительна сама мысль о связи с этими существами, но Перен... У меня из головы никак не шла сцена на поляне с папоротником и выражение его лица, когда он совершал развратные действия с этими существами. Он, несомненно, занимался сексом с дрофами, испытывая немалое удовольствие. А когда мы уже загубили несколько сотен детишек, сгоревших в коконах, мне в голову вдруг пришла мысль, что их папашей вполне мог оказаться Давай, который с легкостью покинул армию своих поклонниц, принесся в жертву свободе собственное потомство. Меня пробрал озноб, когда я подумал о том, что Перен совсем не протестовал против убийства родных детишек!!!

– Слушай, а тебе не приходило в голову, что это могут быть твои дети? – спросил я.

– Чего? – Перен закашлялся.

– Ничего, – спокойно сказал я, – а кто еще, по-твоему, может быть их папашей?

– На мой взгляд, папаша им вообще не нужен... Скажешь тоже...

Конечно, над этим следовало поразмыслить. Совсем не обязательно отцом крошек должен быть Перен или Дори, почивший еще до моего появления на болотах дроф, или какой-нибудь другой бедолага. Вообще-то они могли размножаться сами по себе. Я попытался вспомнить, что читал о дрофах в книге ведьм, но моя память ничего не смогла сообщить в ответ на навязчивые призывы поведать что-нибудь о размножении этой вредной феминизированной популяции особей. Они вполне могли оказаться гермафродитами и оплодотворять себя сами. Однако в природе, как правило, все четко выверено. Их обостренное половое влечение к человеческим существам мужского пола не могло быть простым проявлением животной чувственности. Наверное, ими все же руководил здоровый инстинкт размножения. В таком случае я шел рядом с отцом-героем. Перен о своих подвигах даже не подозревал, он просто шагал, высоко задрав подбородок, и живот его колыхался в такт шагам. При этом он насвистывал веселую мелодию и радовался изменениям в своей судьбе. Отвратительный жирный извращенец.

За время бегства я как-то успел свыкнуться с мыслью, что он отец загубленных крошек, и даже смог относиться к нему терпимо, но теперь Перен, ко всему прочему, оказался вором и спер красивый молоточек хозяев лесного домика.

– Слушай-ка, я вытащил тебя оттуда не для того, чтобы ты пер молотки...

– А я просил тебя меня вытаскивать?

Наш спор прервался, потому что дверь неожиданно распахнулась. На пороге стоял плотный мужчина лет сорока пяти, гигантского роста, со всклоченной черной бородой. Контраст с его багровой физиономией составляли изящные свободные одежды и розовый женский пояс.

– Я – «пророк» Латуний Цизераний Четырнерий, – представился он тонким голосом, кивнул нам головой и сделал ладонью плавное движение. Потом его рука опустилась на отставленное в сторону бедро и уперлась в него тыльной стороной ладони, – но друзья и любовники зовут меня просто Латик.

– А... – сказал я немного ошарашенно, – я – Жак...

– Ах, какое смешное имя. – Он тоненько захихикал, прикрывая рот ладошкой, что чудовищно не соответствовало его внешности, – ну входите скорее...

Однако мы не спешили принять его предложение. Перен от изумления распахнул рот, правую руку он все еще держал за пазухой, на рукоятке украденного молотка.

– А далеко отсюда до города? – спросил я.

– До города рукой подать. – Хозяин сделал шаг в сторону, приглашая нас пройти. – Главное, хи-хи-хи, знать, в какую сторону идти, а то непременно придешь куда-нибудь не туда... Хи-хи-хи... Да входите же...

Я замешкался ненадолго, но потом отбросил всякие подозрения и шагнул в его дом. Перен последовал за мной, придерживая рукой топорщившиеся лохмотья. Пропажи хозяин дома не заметил. Думаю, взгляни он в сторону медного гонга – гостеприимства в нем изрядно бы поубавилось.

Обстановка в домике была очень приятной. Латуний вел домашнее хозяйство, как ведет его редкая хозяйка. Аккуратная светлая мебель, белоснежные занавески на окнах, плетеные коврики, живые цветы в горшочках, светлые пейзажные зарисовки в дубовых высветленных рамах. Давай воровато оглядывал обстановку. Я толкнул его в бок кулаком, и он неприязненно сощурился.

– Вам, бедняжкам, верно, негде переночевать, – озабоченно всплеснул Латуний своими большими женственными руками палача, мохнатые пальцы напоминали хорошо разваренные сардельки, – да и одеты вы что-то неважно.

Свисавшие с нас лохмотья одеждой назвать можно было, сильно покривив душой или опасаясь нас обидеть.

Увидев, что мое внимание привлекли его «колбасные» пальцы, «пророк» потер указательный и нежно проворковал:

– Мои маленькие, поросли черненьким пушком.

– Да, пушок налицо, – заметил я, после чего он погладил окладистую бороду, восприняв мое замечание буквально.

– Вы, наверно, голодны с дороги, – продолжил он причитания, – и очень устали.

– Да, хозяин, – нагло сказал Перен, – я бы съел целую тушу чего-нибудь мясного.

– Сейчас я накрою на стол, – засуетился он, громко захохотав, потом хлопнул Перена по плечу, – я сам люблю скушать целую тушу чего-нибудь мясного. Сейчас я угощу вас чем-нибудь вкусеньким.

Я, было, собрался попросить его не утруждать себя, но мой желудок поднял бунт. Тогда я покорился воле требовательной пищеварительной системы и сел за стол. Перен развалился на длинной лавке. Латуний удалился на кухню, откуда доносилось его тонкое фальшивое пение, и через некоторое время мой нос уловил аромат жарящегося свежего мяса.

– Нуи повезлонам, – заметил Перен, – в прежней моей жизни мне так не везло. Должно быть, это ты приносишь мне удачу...

– Не везло? – переспросил я.

– Ну да, я все время попадался. Жизни никакой не было. Бывало, захочешь что-нибудь украсть. А они уже тут как тут. То хозяева, то королевская стража. То эти... А однажды мной заинтересовалась инквизиция. Но это очень длинная история...

Пока готовились блюда, я решил обследовать избушку милейшего Четырнерия. Меня не покидало чувство, что здесь что-то не так. Это надо же иметь такое искаженное сознание, что даже изрядная гостеприимность хозяина делает меня подозрительным. Наверное, я просто очень долго шел через лес и отвык от хороших людей. Возможно, хорошие люди все же встречаются. Я прошелся по комнаткам.

– Во-во, – вкрадчиво заметил Перен, стараясь говорить как можно тише, – наверное, у него имеется что-нибудь ценное. А ты, как я погляжу, парень не промах, только прикидываешься простаком.

– Отстань к дьяволу, – попросил я.

– Ну-ну, – откликнулся Перен и спрятал молоток под край ковра.

Я наступил на что-то твердое, присел и нащупал под ковром железное кольцо крышки погреба. Откинул его в сторону и приподнял крышку. В погребе царил леденящий холод – меня окутало морозной волной. Несколько снежных вихрей поднялись оттуда и осели на ковре. Чем поддерживалась в нем минусовая температура, оставалось загадкой. Может, могучим заклин-

нанием. Узкая лесенка вела вниз, в крошечный, пробирающийся до костей сумрак. Я огляделся и заметил на подсвечнике толстую свечу.

– Дай-ка ее мне, – попросил я Перена.

– Зачем? Зажги свой магический факел.

– Давай свечу, факел вспыхивает слишком громко.

Я прислушался к пению «пророк?» Похоже, он ничего не подозревал, продолжая старательно выводить ноты какой-то незнакомой мелодии. Перен вынул из подсвечника толстую свечу и принес мне, а потом вернулся на скамью. Несмотря на свое плотное телосложение, перемещался он почти бесшумно – правильно говорят, что беспорядочная сексуальная практика способствует поддержанию хорошей физической формы.

Я поставил ногу на первую ступеньку лестницы. В ту же секунду осветившееся помещение качнулось передо мной и я едва не выронил свечу от жуткого накатившего на меня страха. На голове зашевелились волосы. Латуний продолжал петь как ни в чем не бывало. Я же быстрыми шагами спустился вниз, встал на земляной пол и постарался унять дрожь в теле. На огромных стальных крючьях висели замороженные люди. От некоторых милейший гостеприимный «пророк» уже успел отрезать филейные части, кое-кто еще был одет, остальные обнажены и вскрыты, были тут и две болотные дрофы, обе без голов. Одно из свежих тел было наряжено в камзол королевской гвардии Тура. Тур – это же за тридевять земель отсюда, занесло же бедолагу! В ножнах торчал бесполезный меч. Я дотронулся до рукояти и с лязгом вынул оружие. Клинок уже успел примерзнуть: чтобы его извлечь, мне понадобилось легкое усилие. Добряк, видимо, подсыпал что-то в еду гостей, после чего они уже не могли сопротивляться и становились легкой добычей. Так вот почему он так скоро и с таким энтузиазмом хотел нас накормить, вот почему он с таким явным удовольствием готовил пищу, а нас предоставил самим себе. Прикрыл, значит, людоедский погребок ковром и чувствует себя спокойно. Ну со мной его гнусные номера не пройдут.

Тут я почувствовал, что у меня то ли от злости, то ли от ужаса зуб на зуб не попадает, и стремительно выбежал наверх. «Кухарка» продолжала приготовление пищи. Не было ли это мясо человечинной?! Я спрятал меч под лавку, стоявшую возле стены, аккуратно вставил свечу в подсвечник и сел за стол. Некоторое время я нервно барабанил по его гладкой полированной поверхности. Интересно, слышал ли «пророк» – людоед, как я поднимал крышку погреба. Вряд ли. Если бы слышал, он моментально примчался бы сюда и попробовал с нами расправиться.

– Спер меч? – поинтересовался Перен. – Ловко, ловко, думаешь, его удастся выгодно продать в том городишке, о котором он говорил?

– Заткнись, дружище, – попросил я.

– А что там в подполе?

– Ничего.

– Ага, ты не хочешь говорить, потому что присмотрел там себе что-нибудь. Нечего сказать – хитрец. Ну я и сам посмотрю. – Перен вскочил.

Но посмотреть, что в погребе, к своему счастью, он не успел. Из кухни появился «пророк», он посмеивался и нес в одной руке блюдо, от которого удушливый аромат мяса распространялся по комнате. Блюдо было поставлено в центр стола, затем людоед стал расставлять тарелки с овощами и прочими необходимыми составляющими богатой трапезы. Мясо было изысканно нарезано и подперчено. Перен не стал дожидаться, пока все будет расставлено по местам, и принялся энергично жевать один из кусков, а потом громко проглотил его.

Я посмотрел на него в немом ужасе, а потом выбежал на крыльцо и перегнулся через перила. Меня долго и мучительно рвало. Потом я поднял голову, повернулся и встретился глазами с Латунием – все это время он стоял у меня за спиной.

– Давно не кушал, – пожаловался я, – вот и вывернуло.

«Может быть, сойдет за оправдание?»

– Это бывает, – успокоил Латуний, – ну ничего, сейчас поешь мяса...

«Убить его сразу, пока он не успел ничего сделать?! Врезать парализующим заклятием, схватить меч и зарубить мгновенным и точным ударом слева направо, рассекающим грудь и ребра».

Правда, колдуны не пользуются холодным оружием, но ради такого случая я был не прочь изменить правилам, тем более что найденный мной в подвале меч был весьма и весьма неплох.

В конце концов дурнота начала меня отпускать, и мы смогли вернуться в дом. Латуний приглашающим жестом указал на стол.

В принципе все выглядело весьма аппетитно, исключая, разумеется, мясо.

Мои воспитательницы, правда, не гнушались этой пищей, а Тереса даже очень любила мясо маленьких девочек. Раз в неделю в ее меню непременно присутствовало что-то подобное.

«Ничто человеческое нам не чуждо», – гордо говорила Тереса и подмигивала мне.

Но у меня ее гастрономические изыски всегда вызывали неприятное чувство.

– Погляди-ка, как забавно, твой приятель так устал, что уснул прямо за столом, – сказал «пророк», – ну надо же. видно, долго вы шли через лес Ну садись наконец и ты, поешь.

– Сейчас сяду, – сказал я и, не спуская зоркого взгляда с Латуния, полез рукой под лавку, где шарил добрых полминуты.

– Ты ищешь меч? – поинтересовался «пророк». Я выпрямился, с неприязнью глядя в него.

– От моей стряпни еще никого не тошнило, излишнее любопытство крайне опасно для здоровья, – сказал он, вынимая меч из-за шторы.

В его крепких больших руках тонкий меч выглядел совсем маленьким.

– Опасно для здоровья есть вот это.

– Ты обижаешь меня, юноша. – Он нахмурился.

– Пошел бы ты к черту, – откликнулся я, – твоя стряпня – настоящая дрянь.

– Ах так! – Он вдруг резко выбросил вперед крепкие руки и прыгнул ко мне, проявив поразительную для такого массивного человека ловкость.

Я резко метнулся в сторону, но могучий отшельник задел меня плечом, я врезался в стену. Его пальцы вцепились в мое горло. Они оказались очень цепкими – душающе цепкими. Затем он поволок меня к злополучному погребу.

– Ты еще слишком молод, чтобы осуждать меня, – приговаривал Латуний, – конечно, подрасти да и состариться у тебя времени уже не будет...

Я ловко вывернулся и сокрушительно ударил его заклятием огня в грудь. «Пророк» мигом потерял весь лишний вес. Полагаю, что последнее, что он услышал, был резкий свист рассекаемого воздуха. А затем людоед врезался в деревянную стену. Толстые бревна сломались с сухим хрустом, но выдержали. Латуний упал лицом на пол, на его спине быстро росло кровавое пятно. Он был оглушен и полностью побежден.

Еще один бедняга, который встал у меня на пути и которому встреча со мной дорого обошлась.

Я подобрал меч, отбросил ковер, поднял крышку погреба, спустился вниз и попытался оторвать примерзшие ножны от воина королевской гвардии, но ничего не вышло. Тогда я пошарил в карманах висевших на крюках жертв и обнаружил некоторое количество катарской меди. Значит, домик Четырнерия находился вблизи Катара. Насколько мне было известно, в Катаре правил справедливый король, на улицах было спокойно и безопасно. Правда, такой порядок царил в королевстве исключительно потому, что чужаков мгновенно отлавливали и безжалостно карали. Следовало подыскать также пригодную для носки одежду: мои лохмотья имели отталкивающий и жалкий вид. Я придирчиво осмотрел себя и приметил, что раны уже успели затянуться, ожоги тоже почти не давали о себе знать. Перерыв вещевые шкафы и сун-

дуки «пророка», я нашел немало интересных вещей. Мерзавец коллекционировал наряды убитых. Разумеется, то, что он оставлял для себя, было пережито по мерке Латуния Цизерания, так что большинство одежды оказалось мне велико, но велико – не мало, так что очень скоро я облачился во вполне пригодный дорожный костюм. Он не подходил для светского раута и совсем не годился тому, кто не желает привлекать излишнего внимания, – «пророк» предпочитал пестрые яркие тряпки. Выбирать не приходилось, так что я заткнул глотку своему хорошему вкусу и, чувствуя себя круглым идиотом, выбрался из погреба.

Потом я попробовал разбудить Перена, но он был недвижим, дыхание прерывисто вырывалось из распахнутого сонного рта. Я пощупал его пульс. Сбивчивый, но сильный. Насколько я разбирался в снотворных средствах, доза, полученная Переном, отключила его никак не меньше чем на двое суток. Тогда я на пергаменте, также найденном в одном из сундуков, написал записку Перену, в которой сообщал, что у меня возникла необходимость его срочно покинуть, что милейший «пророк», к сожалению, погиб (страшная, досадная случайность!) и что перед смертью дом вместе с обстановкой он завещал именно ему, Перену по прозвищу Давай. Пергамент я приколот к столу, пробив мечом, который также решил оставить извращенцу – детоубийце.

После этого я немного побродил по дому. Спать мне пока не хотелось. Возможно, сказывалось нервное напряжение. Нервная система у меня, разумеется, не походила на нервную систему обычных людей, но иногда проявляла себя. Оглушенный и неподвижный Латуний Четырнерий валялся на полу. Чего доброго, он очнется и устроит Перену веселую жизнь, сделав мой единственный хороший поступок по его спасению совершенно бесполезным. Тогда я принял решение, ухватил людоеда за ноги и поволок к погребу. Стащил вниз, радуясь приятности звука, когда его голова падала с одной ступеньки на следующую. Разумеется, одной физической силы мне бы не хватило, чтобы осуществить задуманное. Пригодилось умение пространственной левитации, чтобы поднять толстяка в воздух, перевернуть и через мгновение насадить на острый крюк. Послышался хруст, и людоед задергался, как марионетка. Большое лицо его дрогнуло, скривилось, а потом безжизненно замерло. Еще некоторое время подергивались толстые пальцы и ступни ног, а потом жизнь окончательно покинула его большое плотоядное тело.

– Пришли, украли молоточек, убили хозяина, – осудил я себя, покачивая головой.

Меня начала навязчиво преследовать идея, что каждым своим шагом я приношил окружающим одни только неприятности. Всюду, куда я отправлялся, умирали люди и прочие существа. Я нес разрушение и хаос миру. Успокаивала только мысль, что меня окружали такие люди и нелюди, которые эти неприятности заслужили. Впрочем, Перену по прозвищу Давай я принес избавление от плена, за что он должен был быть мне благодарен. А нужно ли ему было это избавление – ведь ему нравилась жизнь, которую он вел?! Мне отчетливо послышался его голос: «Эй, а я просил тебя вытаскивать меня?!» – после чего я окончательно загрустил. Меня немного утешили запасы вина, хранившегося у Латуния Четырнерия. После пережитого выпивка была мне необходима как воздух. Людоед оказался настоящим ценителем хорошего красного вина. Поедая человеческое мясо, он, похоже, с наслаждением запивал его винцом.

Я пил вино и уничтожал запасы съестного – хозяину еда больше не пригодится, а Перену пора самому о себе позаботиться. Не маленький уже.

После вина жизнь показалась мне намного радужнее. Я взлохматил Перена и, поймав на дорожке к дому толстую жабу, посадил ее спящему за шиворот. Когда проснется, пусть «порадуется».

Я решил, что в путь отправлюсь только утром. Следовало выспаться. Соседство мертвого «пророка» и нескольких разделанных туш в подполе нисколько не смущало меня. Не так я был воспитан, чтобы десяток мертвецов смутили мой юный крепкий сон. Мне даже приснилось что-то на редкость приятное. Кажется, три красотки, объяснявшиеся мне в любви. Я благоже-

лательно воспринял их признания и всем трем ответил физиологической взаимностью. В моем сне они ждали от меня именно этого, и ничего другого. Вообще, когда я нахожусь во власти Морфея, все мои фетишные красоты ждут от меня только одного – яростного сексуального напора...

Я завтракал всем, что припас убиенный мной «пророк», а припас он немало, и наблюдал спящего Перена по прозвищу Давай. Он храпел так, что вырывавшийся изо рта воздух приподнимал его верхнюю губу. Струйка липкой слюны вытекла прямо на стол. Но после увиденного ранее такая незначительная мерзкая деталь не могла испортить мой здоровый аппетит. Меня только позабавил вид недавнего пленника и шевелящейся у него под лохмотьями жабы.

Кучу забракованных тряпок «пророка» я свалил на столе. Когда Перен проснется и решит отправиться в путь, одежда ему пригодится. Потом я на сытый желудок выпил два бокала холодного вина. На ночь я убрал его в погреб, поближе к мертвецам, чтобы их скованные холодом тела придали больше вкуса моему утреннему напитку...

Теперь меня ждали новые свершения и подвиги в славном Катаре. Я уже совсем было собрался выйти из избушки, когда мой врожденный инстинкт заставил напоследок выглянуть в окно. От изумления я вскрикнул: напротив дома стоял Латуний Четырнерий. Или его двойник, потому что «милейшего пророка» я похоронил в погребке на железном крюке. Сходство было настолько разительным, что я даже полез вниз, чтобы проверить, не исчезла ли насаженная на крюк гигантская тушка. Но людоед был на месте. Висел себе, свесив ручки по бокам туловища, и за ночь успел хорошенько промерзнуть, лицо его после смерти сделалось гладким и слегка поблескивало – кристаллизовалось.

Незнакомец, подозрительно напоминавший уничтоженного Цизерания Латуния Четырнерия, с недоумением вертел в руках гонг, к которому ранее был привешен молоточек, и, похоже, не мог взять в толк, куда он подевался. У ног массивного бородача я заметил большой холщовый мешок. Что-то бесформенное лежало внутри, в нескольких местах изгибы выдавали очертания человеческого тела. Брат-близнец, или кто он там ему был (черт дери его за ногу!), поводил в воздухе немаленьким своим носом и, могу поспорить, нашептывал: «Кажется, человеческим духом пахнет». Наконец он решительно толкнул калитку, а мешок оставил рядом с заборчиком. Лицо его выражало удивление: наверное, ему никогда еще не доводилось встречать что-либо необычное в этой спокойной местности, уютном мирке двух братцев-людоедов.

С этими любителями полакомиться человеческой плотью следовало держать ухо востро. Я осознал это, когда бородатый здоровяк сделал несколько шагов по направлению к дому и внезапно исчез. Только что он шел по гравийной дорожке и вдруг пропал.

В подобных обстоятельствах медлить не приходится. Я распахнул дверь и помчался к месту исчезновения. Причина того, что он так ловко скрылся от меня, отыскалась мгновенно: в можжевельных кустах скрывался отвесный темный лаз, куда легко мог выпрыгнуть даже такой грузный бородач. Такого проворства никто, конечно же, не мог ожидать от толстяка, но, видно, у него было ценнейшее врожденное или приобретенное качество – чутье на смертельную опасность, после чего все рефлексы его большого тела обострились. В данном конкретном случае он почувствовал самую смертельную из опасностей – меня. Где теперь должен был вынырнуть уродливый братец Латуния, оставалось любопытнейшей загадкой. Он мог в любой момент оказаться у меня за спиной, а мог выбраться несколькими милями севернее и отправиться восвояси.

Я бегом проделал путь обратно к дому, тщательно запер за собой дверь, придвинул к ней стол, не считаясь с Переном по прозвищу Давай, облокотившись на него. Он скатился на пол, где и остался лежать, причмокивая губами – сон его сегодня стал более здоровым, чем накануне. За воротом едва заметно шевелилась жаба, что меня повеселило бы, быть может, но не в данных обстоятельствах. Сейчас я испытывал сильнейшее напряжение.

Я стал прислушиваться и уловил едва различимое шарканье, доносившееся из погреба. Либо это крыса, либо мой новый приятель. Я не дал ему возможности самому заявить о своем появлении и распахнул крышку подпола. Почти сразу же он пронзительно закричал. Должно быть, хлынувший вместе с моим появлением свет позволил ему рассмотреть Латуния Цизерания Четырнерия, подвешенного на крюк.

Судя по всему, они с братом были очень близки, потому что он не стал ожидать меня внизу, что было бы с его стороны гораздо разумнее, а прыгнул на меня из темноты, но не застал врасплох. С кем, с кем, а с разъяренным людоедом один на один я мог справиться почти без усилий. Поэтому, когда он ринулся на меня, дорогу ему преградил знак, ощерившийся острыми шипами, вроде того, который я применил когда-то против одного из грабителей в городке, где нам удалось здорово покутить с Ракрутом де Миртом...

Когда через несколько минут я вернулся с зажженной свечой, он был все еще жив. Жестокая штука эти знаки – никогда не убивают жертву до смерти. Знак растворился, бородач лежал на каменном полу и слепо шарил большими ладонями вокруг себя. Он издавал булькающие звуки пробитым горлом. Большие бордовые пузыри вздувались там и лопались. Я прервал его мучения, уронив с небольшой высоты ему на голову огненную глыбу. Череп размозжило.

А я принялся внимательно изучать погреб.

Не знаю, как я мог в первый раз не заметить подземный ход. Он был замаскирован обычным грубо сделанным дощатым щитом, заледеневшим с одной стороны. Когда несчастный двойник Четырнерия проник в эти стены, щит он отбросил. Я прошел со свечой тот же путь, что и он, и выбрался наружу рядом с гравийной дорожкой, испачкав одежду, с которой уже успел свыкнуться. Все бы ничего, но можжевельный куст разодрал мои бордовые штаны с белоголубыми цветами. Надо же, а ведь они выглядели совсем как новые, хотя уже были у людоеда в употреблении. Я стал сильно переживать из-за своей глупости: надо же было забраться в абсолютно пустой подземный ход и ползти по нему в надежде обнаружить что-нибудь стоящее. А теперь я снова без штанов.

Потом я вспомнил про мешок, стоявший у калитки, и поспешил туда, чтобы посмотреть на его содержимое. В мешке оказался мертвый монах в удобной рясе, она была сшита из серой плотной и теплой ткани. В рясе даже имелось несколько карманов. В одном из них я обнаружил подробную карту местности с обозначением ближайших населенных пунктов, как крупных, так и совсем небольших. К карте прилагалось письмо. Его автор избрал адресатом высокопоставленное лицо в просвещенной Миратре, которому надлежало принять брата Жарреро с почестями и препроводить его на богословский диспут, бывший целью его путешествия. Здравомыслием, что ничто в этом мире не происходит просто так, я облачился в рясу умершего монаха, взял письмо и карту и двинулся прочь от жилища двух убитых братьев-людоедов. Больше меня ничто не могло задержать в этом мрачном месте. Единственное, что я сделал напоследок, это положил в дорожную сумку немного провизии и перекинул ее через плечо.

Дорога начиналась сразу за домом. Она огибала кусты и устремлялась на северо-запад, теряясь в лесу. На всякий случай я прислушался, не доносятся ли из чащи причитания и стоны дроф, и, когда убедился, что воплей и перешептываний не слышно, быстро пошел по тропинке.

Несмотря на то что я руководствовался картой и все время сверял направление движения по случайным ориентирам, вскоре я понял, что заблудился. Только что я топал по четко прорисованным местам – и вдруг мне стало ясно, что на карте изображена совсем другая местность и до нее еще необходимо добраться, чтобы сориентироваться. Как горемычного брата Жарреро занесло так далеко?! Впрочем, я тоже блуждал в этом проклятом лесу уже очень давно. Лес был как будто заколдован, он заставлял путника сбиваться с дороги, направлял его в непроходимые дебри.

Доверять словам людоеда о том, что до Катара рукой подать, по вполне понятным причинам не следовало. Единственное, что я мог сделать в этой ситуации, это продолжать двигаться

в одном и том же направлении. Логично было бы предположить, что рано или поздно я выберусь к какому-нибудь городу.

Скоро тропинка стала разветвляться. Потом я понял, что иду по звериной тропке, попробовал вернуться, но вскоре исчезла даже тропка. Лес словно издевался надо мной. Я стал яростно ругаться и проклипать несправедливость судьбы, столь неблагоприятной ко мне. Еще несколько часов я бесцельно блуждал в поисках тропинки, а потом продолжил движение на северо-запад. По крайней мере, направляясь туда, я удалялся от дроф. Уже одно это обстоятельство указывало на правильность выбора направления.

В рясе монаха мне было тепло и уютно. Эти служители бога, хотя и утверждают, что ради своей веры готовы поступиться многим и претерпеть любые муки при жизни, на самом деле очень любят комфорт и удобство.

Кошмар пятый КУЛЬТ СВЯТОЙ БЕВЬЕВЫ

Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала малопомалу облекаться в видимое тело... Богиня! О мой бог, у богини была голова насекомого...

Н. В. Гоголь. Портрет

К шести часам следующего дня кущи наконец расступились. К этому времени я был зол отчаянно, ибо шел всю долгую ночь и весь непомерно жаркий день. Карта покойного брата Жарреро так и не давала мне возможности воспользоваться ею и выбраться к людям – изображенная на ней местность была где-то далеко. К тому же в этих широтах с погодой, будь она неладна, творилось нечто невообразимое – с неба все время сыпал мелкий и противный дождь, под ногами хлюпало, к тому же серые, быстро бегущие по небу облака плохо скрывали жаркое солнце, старательно испарявшее во мне остатки влаги...

Но вот лес стал редеть, все меньше мне попадалось высоких деревьев и непролазного ельника, все больше тоненьких стволов молодняка и низкого кустарника, на котором алели гроздья ядовитых ягод. Кустистый папоротник и хвощи отвоевывали все большие территории. Я выбирался на открытые пространства, что позволило мне наконец-то вздохнуть свободнее и поверить в свои силы. Признаться, их оставалось немного. Я уже начинал думать, что лес никогда не кончится и мне суждено здесь умереть. Позади остались болотистые и опасные места, где над моей светлой личностью надругались болотные дрофы, а потом мной едва не поужинали братья-людоведы и душелюбы.

Через некоторое время мне посчастливилось набрести на ручей, где я с жадностью напился и пополнил запасы пресной воды в дорожной сумке.

После того как я скрепя сердце вышел из воды и продвинулся еще дальше по холмистому редколесью, впереди вдруг показалась крутая каменная стена, на которую взбирался дикий плющ и мшистые щупальца леса. После встречи с «милейшим пророком» я настороженно относился к жилым постройкам и их хозяевам.

Прокравшись около полумили к северу по колючему кустарнику, росшему у самого основания стены, я затаился наконец в дебрях остролистого есения. Моему взору предстали высокие деревянные ворота и ведущая к ним с севера присыпанная мелкой щебенкой тропинка. Ворота были приоткрыты. Возле них высокая женщина в черных монашеских одеждах и высоком клобуке беседовала с мужчиной средних лет в монашеском балахоне. Я прислушался – и даже с такого расстояния мне удалось уловить их короткий разговор. Женщина приветствовала брата Ариоро, прибывшего в обитель святой Бевьевы по пути в Миратру. Брат Ариоро, по всей видимости, собирался остановиться здесь на ночлег.

Монах поразил меня своим высокодуховным видом. В мое сердце даже закралась жуткая зависть. Хотел бы и я так выглядеть в его годы. У него были широко распахнутые голубые глаза, чей свет добирался даже до отдаленного кустарника, где я прятался.

Они придавали его лицу выражение детской невинности. Он был довольно коренаст, но вся его крепкая фигура не создавала впечатления неуклюжести и скованности, а только уверенности и силы. Серые волосы голубоватыми воздушными прядями лежали на плечах, но брат Ариоро совсем не выглядел старым, похоже, ему было что-то около пятидесяти.

Его наконец пригласили внутрь, и он исчез за створкой медленно притворенных за его спиной ворот.

Кажется, настало время свериться с картой брата Жарреро. Я вынул ее из кармашка рясы и радостно вскрикнул. Предчувствия меня не обманули. На самой южной границе изобра-

женных на ней земель была обозначена и обитель святой Бевьевы. Название монастыря выведено было ярко-красными чернилами, красивый монашеский почерк придал буквам округлую стройность. Саму обитель неизвестный географ изобразил черными красками. Не всю, а только ее часть. Я возблагодарил небо и усердие того монаха, который не поленился и включил монастырь в карту. Теперь я знал, куда двигаться дальше.

– Спасибо тебе, дружище! – помнится, выкрикнул я и сжал ладони в приветственном жесте, глядя куда-то в сторону высокой сосны, чьи ветви шуршали, ласкаемые руками ветра.

Потом я ненадолго замялся. Подумать только, обитель Бевьевы! Женский монастырь! Смущение тронуло мое коварное сердце. Следовало ли мне, такому порочному и нечистому, нарушать уединение этих смиренных женщин, променявших мирские радости на служение культу, свято верующих в идеалы чистоты и непорочности?! Наверное, я должен по широкой дуге обойти обитель и двинуться дальше, не нарушая привычного для монахинь порядка вещей. Имею ли я право входить в храм? Ответ был очевиден. Нет. Не имею. Я не имею такого морального права.

Я постучал в ворота, и ответ не заставил себя долго ждать. В смотровое отверстие выглянули прелестные темные глазки.

– Здравствуй, сестра, – поприветствовал я бровки, реснички и мягкий кроткий взгляд, – я – брат Жарреро. Мне нужен ночной приют. Мой путь... э-э-э... довольно дальний.

– Сейчас я открою, брат мой, – створка ворот отворилась, и я прошагал мимо двух монашек, встречавших меня на пороге в сладкую жизнь.

Лес продолжался и на территории монастыря. Мелкие кустики росли по сторонам от засыпанных щебенкой аккуратных дорожек.

– К нам уже прибыл сегодня брат... – пробормотала одна из монахинь, похоже, это была именно та, чьи глазки так понравились мне в смотровом отверстии; на ее лице вдруг разлился отчетливый румянец.

Кто знает, какие мысли закрались в ее маленькую головку, заставив щечки заалеть, подобно двум спелым яблочкам?!

– Брат Ариоро, кажется, – важно заметил я.

– О, вы знаете брата Ариоро, – вступила в беседу другая, и в ее голосе я услышал некоторую несвойственную монахиням уверенность и твердость, а может, ее интонации показались мне слишком грубыми после робкого и тоненького голоса первой прелестницы.

– Меня накормят? – спросил я, прикидывая, понадобится или нет изображать голодный обморок.

– Конечно. Давай я провожу тебя, брат, – скромная монахиня сделала плавный жест ладонью и пошла вперед, приглашая меня следовать за ней.

– Проводи меня, сестра, конечно, проводи, – я отбросил свой капюшон и пожаловался: – а то я ничего не ел вот уже два дня.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала она.

Глаза у нее были сиреневатые. Никогда не видел я прежде таких глаз. Они немного напоминали глаза Тересы, но в них не было озлобленности, ненависти ко всему живому, черствой жестокости колдуньи. На меня удивительные очи прелестной монахини глядели ласково, с выражением не знакомой с мужскими объятиями кротости...

Я вымылся в огромной бадье с горячей водой. При этом меня оставили совершенно одного в гулком подвальном помещении. Я принялся с наслаждением плескаться, напевая кабацкую песенку, которую слышал еще в Гулеме, одном из городков, где мне суждено было побывать во время своих странствий, но потом очнулся и вспомнил о статусе служителя церкви.

За завтраком, хотя для остальных было уже время обеда, я встретился с братом Ариоро.

– Здравствуй, возлюбленный брат мой, – сказал брат Ариоро.

– Здравствуй, брат мой, – откликнулся я эхом, ломая жирную куриную ножку.

Три сестры наблюдали за нашей трапезой, смиренно застыв по правую и левую руку, ладони они сложили в молитвенном жесте.

– Могу я узнать, досточтимый брат мой, куда ты держишь путь? – поинтересовался Ариоро, и лазурит его глаз пронзил мои желтоватые очи.

– Неисповедимы пути его, – ответил я.

– Неисповедимы пути, но исповедимы пожелания этих путей. Вот и я сбился с дороги, но угодил в эту угодную богу обитель и очень благодарен ему за это, ибо познакомился здесь с матерью-настоятельницей, поистине самой прекрасной из женщин...

– Я не привык руководствоваться только пожеланиями, его длань ведет меня вперед, – перебил я монаха.

Брат Ариоро сильно раздражал меня своими богословскими репликами, потому что это отвлекало от трапезы: расспросы смиренного служителя церкви плохо влияли на мое пищеварение. С каждой новой фразой, требовавшей от меня определенного напряжения, голос мой становился все более глухим и грубым.

– Но пожелания, возлюбленный брат мой, также приходят к нам свыше... – продолжал монах, называя меня возлюбленным повторно. Это настораживало.

Почесывая свою темно-русую бороду, Ариоро улыбнулся. Улыбка его была обаятельна и светла.

– Брат мой, ты еще очень молод. Тебе так мало ведомо. Например, то, как далеко может простираться благодать господа нашего.

– Ну почему же, – возразил я поспешно, – могу себе представить.

– Нет-нет... Господь. Как бы тебе это объяснить...

Монаха явно влекло к богословским дискуссиям. Если он задержится в обители Бевьевы, я, чего доброго, лишусь аппетита совсем, начну чахнуть на глазах и завяну подобно цветку на почве, лишенной живительной влаги... Ну вот, кажется, я начинаю использовать богословские образы.

– Господь вмешивается не только в дела слуг своих: он интересуется мыслями, внушает идеи и образы...

Я жестоко закашлялся. Просто кошмар какой-то! Кусок не лезет в горло.

– ...но и лукавый не спит. В его силах...

– Брат Ариоро! – заорал я так, что монах вздрогнул и замолчал, его голубые глаза удивленно расширились. – Вы... вы... вы ведь уезжаете завтра?

– Да, – брат Ариоро продолжил трапезу, – меня ждут в Миратре. Я преподаю там богословие...

– Жаль, мне было необыкновенно приятно с вами пообщаться...

– Брат мой, ты сам заметил, что пути господин неисповедимы. Уверен, мы вскоре встретимся, – брат Ариоро поднялся.

– Сестра моя, – обратился он к одной из монахинь, – проводи меня в храм, где я смогу помолиться и облегчить свою душу благочестивым покаянием. Не хочешь ли ты, возлюбленный брат мой, присоединиться ко мне?

Я едва не подавился снова:

– Позже, брат Ариоро. Сначала мне следует закончить трапезу, назначенную мне господом.

– Буду ждать тебя, брат...

– Брат Жарреро...

– Буду ждать тебя, брат Жарреро...

Ариоро удалился в сопровождении монахини, оставив меня в тягостных раздумьях по поводу предопределенности путей, уготованных нам господом, и муторной тягостности богословских диспутов...

Вечер подкрался незаметно. Длинные тени вползли, словно темные змеи, и удобно расположились в обители святой Бевьевы.

Меня провели по каменному давящему сводом коридору к комнате, где я мог отдохнуть. Одной из провожатых была удивительная красотка, с которой я познакомился у ворот. Прежде я никогда не заигрывал с монахинями и теперь не знал, с чего начать разговор с ней, а разговор, несомненно, следовало с чего-то начинать: перспектива провести ночь одному была крайне неприятна, а белокожая скромная смиренница так волнующе дышала справа от меня. От нее, разумеется, укрылось, что я прислушиваюсь к ее дыханию, но не укрылись мои взгляды, красноречивее которых могли оказаться, пожалуй, только жесты, но жесты в ее сторону я пока себе не позволял.

В более чем скромной комнатке, куда меня привели, стояла крепкая с виду кровать и кривой шаткий стул, на который я сразу же уселся, положив ногу на ногу.

Провожатые принялись застилать кровать, сохраняя глубокое молчание, а я продолжил тягостные раздумья о богословских диспутах. Мысли мои были отягощены желаниями немедленной интимной близости с одной из монахинь, предпочтительнее вот с этой черненькой сиреневоглазой. Она соблазнительно нагнулась над постелью, поправляя простыню. Так и подмывало пощупать, насколько упругими окажутся ее ягодицы и грудь, но я сдерживался, резонно рассудив, что в обители святой Бевьевы поднимется страшный переполох, если она, чего доброго, раскричится, что почтенный брат Жарреро ухватил ее за задницу.

Подумать только, всего-то и дел. Брат Жарреро ухватил сестрицу, как ее там, за задницу. Но опыт и врожденная осмотрительность подсказывали мне, что покамест делать ничего предосудительного не стоит. Будь она одна, может быть, и не возражала сильно, но вместе с ней была еще одна сестренка, лет пятидесяти, ловко заправлявшая в пододеяльник пуховое одеяло.

Мне ничего не оставалось, как дожидаться их ухода и страдать от неутоленной чувственности. Затем я разделся догола, ибо всегда спал нагим, и улегся под одеяло. У меня был нелегкий день и в целом неблагоприятный месяц. Мне просто необходимо было отдохнуть. За долгое время пути я впервые оказался в нормальной постели, и теперь тело мое испытывало острейшее наслаждение, когда я вытянулся в полный рост на белой простыне и через несколько мгновений благополучно заснул.

Про брата Ариоро и его благочестивые призывы предаться вместе вечернему покаянию и молитве я и думать забыл. Уже во сне меня тревожили призывы совсем иного свойства.

Через несколько часов меня разбудил вкрадчивый осторожный стук в дверь. Я вскочил с постели, поспешно натянул штаны и распахнул дверь. Увиденное убедило меня, что бог все же есть.

На пороге с распущенными длинными волосами, одетая в темный монашеский балахон со сброшенным бесформенным капюшоном стояла она... моя прелестница. Взгляд мой заскользил по ее фигуре вниз, потом вверх... Балахон скрывал красоту ее стройного тела, но в некоторых складках и рельефных выступах я мог уловить то, что заставило мое сердце учащенно забиться. Я резко схватил ее за руки и втащил в комнату. После чего принялся целовать ее губы, шею, волосы, обнимая девушку за тонкую талию. Она слабо сопротивлялась моим нетерпеливым ласкам; ее ладони упирались мне в грудь, но, очевидно, оттолкнуть меня не смели. А может быть, не желали. Через секунду я уже повалил ее на кровать.

– Послушай, – почти выкрикнула она, с трудом сдерживая готовый сорваться с губ страстный стон, – я пришла по делу.

– Ну конечно, – в перерывах между поцелуями прорычал я, – тебе что-то понадобилось в этот час в этой комнате... – Брат Жарреро, – у нее не было сил, и слова она договаривала с придыханием, – над тобой... нависла... смертельная... опасность... ах...

Я был слишком возбужден, чтобы насторожиться, я срывал с нее одежду. Она хотела еще что-то произнести, но я стремительно вошел в нее, прервав на некоторое время всякие разговоры... Наслаждение захлестнуло меня... Подчиняясь стремительному ритму, она закусывала губы, изгибалась и царапала мою спину длинными, острыми ногтями. Почти не чувствуя боли, я продолжал бесконечное движение...

Едва все было кончено, до меня внезапно дошел смысл ее слов. Я вскочил с постели.

– Сестра, – проорал я, – какая еще опасность?! Опасность здесь?! В обители святой Бевьевы?!

После всего что происходило со мной в лесу, я был настороже почти всегда.

Глядя на мою голую решительную фигуру, тыкающую в нее не только указательным пальцем, бывшая смиренница стала хлопать глазами. Ее робость наконец отступила и она заговорила, а то я уже совсем было начал опасаться, что после потрясающего акта любви она утратила эту славную способность навсегда.

– Надо спешить, – ее голос звучал теперь чуть громче, чем прежде, – иначе они придут за тобой. Факельное шествие уже началось.

– Факельное шествие?! Да что здесь, черт возьми, происходит?! Они что, собираются меня распять за маленькую шалость?!

Монахиня теперь смотрела прямо на стремительно съездившийся после ее слов орган, и я решительно прикрыл его ладонью.

– У меня нет повода не верить тебе, – сказал я, – давай скорее одеваться. Что же ты лежишь?! Вот черт! Скорее! Факельное шествие уже началось!

Одевалась она неспешно. Наверное, просто не умела быстрее, чем вызвала закономерное раздражение. Затем она повела меня. Мы пробежали через анфиладу, потом выбрались в круглый обширный зал, где гулкое эхо наших шагов звучало угрожающим рокотом, отражаясь от теряющегося во мраке свода. Здесь моя провожатая остановилась – так резко, что я наткнулся на нее.

– Тшш, – прошипела монахиня.

Между колонн, опоясывающих зал, я увидел на расстоянии ста метров огни, упорядочно передвигавшиеся в темноте. Слабые сполохи играли на скрещенных на груди руках, складках длинных балахонов и наброшенных на лица капюшонах. Едва различимые фигуры медленно двигались вдоль стены, отбрасывая неверные длинные тени в нашу сторону.

– Факельное шествие, – прошептала провожатая.

– Тише ты, – проговорил я.

Мрак и едва различимые зловещие очертания фигур произвели на меня такое жуткое впечатление, что я прикрыл ей рот ладонью, дабы она больше ничем не могла выдать нашего присутствия. Едва шевеля губами, я проговорил:

– Куда идти, чтобы выбраться отсюда?

– Лучше всего туда...

Мы свернули в боковой проход и быстро побежали прочь. Мне пришлось пригнуться, потому что стремительно снижавшийся потолок грозил вскоре воссоединиться с полом. Смиренница замечательно ориентировалась в полумраке. Должно быть, пользовалась этим подземным ходом много раз.

Интересно, если она так хорошо была знакома с расположением комнат и коридоров в монастыре, зачем она привела меня в зал и показала факельную процессию? Наверное, можно было совершенно спокойно миновать это угрожающее зрелище? Холодок пробежал по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.